

МИХАИЛ СОПИН
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Содержание

Биографическая справка.....	2
Лариса Баранова-Гонченко.«Этo я пробиваюсь через поле судьбы.....	3
Виталий Бакуменко. Он сражался за Россию.....	6
Сергей Донец. «Благовест» сквозь набат».....	7
Елена Босоногова. О прекрасном и мудром поэте.....	13
Михаил Беркович. Чему учит поэзия?.....	13
Яков Либерман. Читая Сопина.....	17
Сергей Фаустов. Дух камикадзе.....	19
Боль стиха.....	20
«М.и Т. Сопины. Анализ и синтез поэзии».....	21
Иосиф Письменный. Если бы парни всей земли.....	21
Немного о творческой палитре мастера.....	25
Валерий Архипов. Сны и реальность поэта.....	32
Галина Щекина. Крик и молитва.....	34
«Пока живешь, душа, люби...». Полюса.....	40
Андрей Моисеев. Судьба поэта.....	42
Татьяна Сопина. От имени павших.....	44
Выпадение из времени.....	47
Исаак Подольный. Очищение души.....	50
Андрей Наугольный. Восстание человека.....	52
Александр Дубинин. Исповедь или пророчество?.....	54
Татьяна Корзина. Написано сердцем.....	55
Галина Макарова. Читательская ноша.....	57
Наталья Шатрова. Хаос вместо поэзии?.....	58
Сергей Донец. Светлячок.....	61
БИБЛИОГРАФИЯ.....	64

Сопин Михаил Николаевич. Родился в 1931 году в селе Ломном Курской области. Отец – испытатель танков на Харьковском танковом заводе, в 1937 году был арестован, через несколько месяцев выпущен и почти сразу умер от скоротечного распада легких. Мать – рабочая.

Пережил оккупацию в Ломном, по которому проходил вал Курской битвы – «Огненной дуги». Посильно оказывал помощь выходящим из окружения в 1941-42 годах. У него на руках умер младший брат, погибали друзья. Принимал участие в боях в армии генерала К.С. Москаленко. Дошел до Потсдама. В послевоенный период трудился в колхозе, закончил ремесленное училище, работал на заводе токарем.

Был арестован за хранение оружия, работал на строительстве канала Волго-Дон. Вторично был осужден по Сталинскому Указу от 4.06.47. Срок в 15 лет отбывал в Пермских северных лагерях, там же закончил заочно десятилетку и начал писать стихи.

По отбытии срока жил в Перми. Трудился сантехником, имел семью, двух сыновей. Но его не печатали. Однажды в отчаянии обратился к известному критику В.В. Кожиннову, и тот Михаила поддержал, но оказалось, что для того, чтобы эти пожелания превратились в действие, нужно пересечь в Вологду. В Вологде, куда он переехал с семьей в 1983 году, получил поддержку местной писательской организации. В 1985 году вышел его первый сборник «Предвестный свет», в дальнейшем – сборники «Судьбы моей поле», «Смещение», «Обугленные веком», «Молитвы времени разлома», «Свобода – тягостная ноша». С 1991 года – член Союза писателей России.

Умер 11 мая 2004 года. Похоронен в Вологде.

Лариса Баранова-Гонченко

«ЭТО Я ПРОБИВАЮСЬ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ СУДЬБЫ...»

Михаил Сопин. «Предвестный свет». Стихи. Архангельск. Северо-Западное книжное издательство. 1985.

К устойчивому и крылатому «поэт - это судьба» – давно уже стали относиться в худшем случае как к банальности, в лучшем - как к аксиоме: дескать, доказательств не требуется. Но могучая в своей непостижимости жизнь и «смертной связью» соединенная с ней поэзия нет-нет да и поставят нас перед литературным явлением, выпадающим из общего правила. Вот поэт без судьбы – с удивлением замечаем мы. Или напротив: судьба есть, а поэта нет. Говорим мы об этом, как правило, с сожалением, ясно понимая, что печальное исключение только сильнее подтверждает само правило, высвечивает аксиому: «поэт – это судьба».

Вот тогда-то и появляется желание предметного и конкретного доказательства. Его настойчивая необходимость возникает и будет возникать во всяком литературном времени: прошлом, настоящем и будущем – как единственная возможность быть на верном пути к пониманию поэта.

Не секрет, что применительно к понятию «судьба» мы часто оказываемся во власти наиболее распространенного заблуждения, когда пытаемся представить судьбу поэта как некую внешне ярко мерцающую форму жизни на фоне обыденного, сложно текущего времени.

И только сам поэт способен вывести нас из этого заблуждения, назвав собственной судьбой все то, что связывало его с трагическим и счастливым временем страны, судьбой народа:

*Столько лет
Моей вере,
Надежде моей,
Столько лет -
Сколько лютых снегов
И тяжелых дождей
У России.*

Встретивший войну десятилетним мальчиком, переживший страшные годы оккупации, Михаил Сопин, как и многие в его поколении, долго и трудно искал ту словесную опору для себя, которая могла бы стать одновременно и правдой, и светом для других. И если первой книгой поэта суждено признание, то причиной, объясняющей его, является именно это пережитое, но уже просветленное чувство горечи не только самого Михаила Сопина, но каждого в его поколении, судьба и боль которых никогда не казались ему менее значительными и острыми, чем его собственная: «Случилось это все: ни

ты меня, ни я тебя не бросил. Но мертвый ветер разоренных сел нам не оставил ни руля, ни весел... И вышло так, что вдруг и навсегда нас по Отчизне горькой разметало. И мы с тобой такие не одни. Ты говорила: «Если выйти в поле, то будет слышно, как летит над ним молчанье душ, запекшихся от боли».

Михаил Сопин, как и многие его ровесники в литературе, пишет свою исповедь от первого лица в отличие от той традиции военной поэзии, где героем лирической поэзии чаще был ОН: «Враги сожгли родную хату, сгубили всю ЕГО семью...» (Исаковский), «Был Он немолодой, но бравый, шел под пули без долгих сборов...» (Симонов).

Вот это-то непедалирование своего, ложно индивидуального, и делает голос М. Сопина, «раздираемый сотнями криков», родственным не только для своего поколения, но и для всех тех, кто воевал или родился после войны. Вот почему понятны и уместны ярко обозначенные сентиментальность поэта, его слезы, его печаль. Они близки прежде всего народному пониманию трагедии именно в том смысле, что обиды забудутся («Обид не помнить и не мстить за боли»), слезы осушит ветер Родины и время, а печаль всегда утолима любовью: «Родные плачущие вербы... Я не любил бы вас, наверно, так обреченно, так светло, когда б над каждым черным знаком у пепелищ, у скорбных ям до жгучей лютости не плакал, Отчизна светлая моя».

И хотя сам поэт признается: «Боль безъязыкой не была», но первая книга Михаила Сопина, поэта действительно трудной судьбы, – это разговор с Родиной без упреков и жалоб, это попытка понять и объяснить свою судьбу с той временами запредельной искренностью, на которую решается художник, бесстрашно ведомый открытым чувством, уже напрочь очищенным от эгоизма и честолюбия: «Родина, что же ты, что же ты?.. Никогда я не бил наугад. Я по крику, по хрипу, по шепоту различу своего и врага»...

знаком подлинного просветления поэтического и человеческого чувства поэта является нам в книге мотив ностальгии, той особой ностальгии, которую точно и просто выразил Виктор Лапшин: «Но я по родному краю тоскую в краю родном». У Михаила Сопина ностальгия – это путь к неиссякаемому, единственно верному, надежному источнику душевной силы. И пусть слышна в пронзительном признании поэта очевидная есенинская интонация, она не перекрывает голос М. Сопина: «Свет мой трепетный. Русь дорогая. край пророческих отчих небес, тридцать лет, от себя убягая, жил надеждой – вернуться к тебе».

Не кажется в связи с этим парадоксальной и «другая» ностальгия поэта – тоска по прежнему времени, которое было, ломало, но уже тогда формировало будущего поэта с его, может быть, самой важной

темой – быть нужным: «...Я бегу под горящую Готню по разбитым осенним полям. Через смерть, через сжавшийся ужас. Может, где-то не все сожжено, может, снова кому-то я нужен с индпакетом, с крауной ружаной...»

Что бы ни писал Михаил Сопин – картины Родины, дневник войны, портрет поколения в лице своей юности, которая машет рукой, «тревожно на пыпочки встав. В бушлате, худая-худая, как в послевоенном селе» - для нас очевидно, что сам он не только проживает свою человеческую судьбу, но уже различает в ней смысл судьбы поэтической, принимает ее с благодарностью: «Но любил свою жизнь, что была! Пронесла меня вольным и бнтым, добела закусив удила».

Однако чрезвычайно важно отметить, что в стихах М. Сопина нет ни знака смирения, ни спекулятивного упоения собственным страданием. Справедливое, волевое начало лежит в самой основе его отношения к страданию и человеку: «Но дух мой верил в высший суд! Я сам творил тот суд посильно, чтоб смертный приговор отцу не подписать рукою сына».

О простых, совсем простых на первый взгляд вещах пишет Михаил Сопин. О простых и нетленных. Но припадая к его «горючему роднику», испытываешь и простые целительные свойства – он как бы снимает с тебя груз твоих собственных горестей, размыкает кольцо одиночества. Ведь судьба того, кто только однажды на протяжении целой книги (а значит, целой жизни) сказал о себе: «И заплачу. Горлом перебитым прохриплю в нетленный свет небес о душе, сорвавшейся с орбиты, – в первый раз о жизни и себе», – не может оставить равнодушными тех, кто уже понял, что не жалость к себе водила пером поэта. Не жалость, а чувство единства с «сиротскими ратями» своего поколения, с ветеранами той войны, которая определила и его судьбу. Не жалость, а чувство благодарности судьбе: «Навек тебя благодарю, судьба, за черный день, за синий свет эпохи».

Но не только чувство благодарности, чувство сентиментального умиления перед родным краем (впрочем, совершенно органичное для русской поэтической традиции) характерно для книги Михаила Сопина. Читатель найдет в ней стихи, написанные с юношеской неисчерпанной волей к поступку и подвигу: «Я умру за Россию – под Орлом ли, под Оршей, в Тагиле... Я дышал для нее. Напряженно и яростно жил! Схороните меня, как положено, в Братской могиле, чтоб июльское поле мне звенело колосьями ржи».

Москва. 1986.

Виталий Бакуменко
ОН СРАЖАЛСЯ ЗА РОССИЮ

Если бы Михаил Сопин оставил только сборник стихотворений «Молитвы времени разлома», поэт с полным правом стоял бы в ряду таких имен: Александр Солженицын, Даниил Андреев, Варлам Шаламов, Борис Чичибабин... Это их спас Господь Бог в чудовищных застенках, чтобы они поведали миру Правду от имени миллионов погибших ни в чем не повинных соотечественников.

Михаил Сопин не ограничился военной и лагерной темой. До конца своих дней он с болью сердечной писал о чудовищных временах, новых испытаниях нашего народа...

Поэта всю жизнь держали, как говорится, в черном теле, создав ему репутацию «мрачно смотрящего» на нашу чрезмерно «веселую» и «радостную» действительность. Только в конце жизни он получил аудиторию, о которой мечтал всегда: общаться со своими читателями, эту возможность поэту предоставил Интернет... Во всемирной паутине Сопин нашел ценителей, поклонников и друзей, которые в полной мере сумели оценить его недюжинный талант и нечасто встречающееся мужество: смотреть Правде прямо в глаза и говорить Правду везде и всегда, чего бы это ни стоило. Хотя Михаил Николаевич отчетливо понимал:

Свободно мыслить –
Значит быть мишенью.

Жизненный и творческий путь М.Н. Сопина – тема для захватывающего романа-эпопеи. И их непременно когда-нибудь напишут. Для таких явлений в литературе нужна большая историческая дистанция. Современники, как правило, не в состоянии бывают разглядеть и оценить по достоинству таких художников, мыслителей, борцов. Это блестяще сформулировал С.А. Есенин: «Большое видится на расстоянии...».

И все же литературная судьба Михаила Николаевича Сопина сложилась и состоялась при жизни. Произошло это благодаря выдающемуся критику и историку литературы Вадиму Валерьяновичу Кожинovu и жене поэта Татьяне Петровне Сопиной. Роль Кожинова в поддержке словом и делом многих писателей и поэтов еще оценит по достоинству история отечественной культуры и литературы.

Сейчас мы должны всячески способствовать тому, чтобы широкие читательские круги получили возможность открыть для себя новое крупное имя в русской поэзии. Поэт заслужил право остаться в отечественной литературе и продолжать сражаться своим правдивым словом за Россию.

Москва. 2005

Сергей Донец «БЛАГОВЕСТ» СКВОЗЬ НАБАТ

Помню в моем Батайске на вокзале огромную картину под потолком. «Черноморский десант» называлась. Четверо морпехов, закусив синие ленточки бескозырок, рванули с голубого баркаса наперерез немецкому свинцу. Их багровые лица, их немые крики, их взметнувшиеся в бессмертные черные бушлаты потом долго мне снились. А в Ростове-на-Дону на главном железнодорожном вокзале висел огромный портрет усатого старика-кавказца во френче с блестящими пуговками. В том зале всегда был полумрак. И я боялся туда ходить. Этот старик так внимательно, с прищуром смотрел на пятилетнего мальчика. Я знал, что его зовут Сталин. Больше ничего о нем не знал, но боялся: «А в грозу, в промежутках. Меж обвалов дождя. Слепозряще и жутко Реял идол вождя...»

Помню в том пятилетнем детстве скоростной локомотив «Феликс Дзержинский», утробно клацающая на стыках рельсов, как затворами карабинов, с разбегу внес полтора десятка зеленых полумягких и мягких, плацкартных и общих вагонов в угрюмое нутро Ходыженского тоннеля. Нежданный восторг и сладкий ужас ворвались с желтыми, словно глазными белками, фонарей бетонного подземелья и мажорно зазвенели серебряными ложечками в чайных стаканах в тяжелых подстаканниках, а потом, где-то в середине Индюк-горы, удвоились с парадными огнями и ревом встречного экспресса. Острый антрацитовый запах плеснул в щелочки окон и смешался с «Красной Москвой» и «Беломорканалом». Сердитые дядьки в красивых белых мундирах по красной дорожке мягкого вагона гнали затравленного «зайца». На выходе из тоннеля мы обреченно понеслись по краю заросшей кизилом горы, возвышаясь над штормовым морем. Свет и всплеск неожиданной молнии ослепили, а потом гром и гудок «ФД» подняли восторг до грозových росчерков – было хорошо и страшно. Дядька тот, наверное, большой, пел по радио: «Люди гибнут за металл!» Чувствовал – сам гибну, но рядом был самый надежный человек в мире – отец, с которым любая беда катилась под горку... Потом был Михаил Сопин. но и его не стало...

Стихи Михаила Сопина воскресили те мгновения пятидесятых. Как рождается поэт? Риторический и необязательный вопрос среди искушенной аудитории. Второй бестолковый вопрос: а как рождается человек?

Нынешний Михаил Сопин, по нашему убеждению, родился в том десятилетнем мальчишке сорок первого года в сполохах «предвестного света», который будет, как «знамение или знамя», сопровождать поэта всю жизнь.

Искры первых дней войны высекают пламя. От пламени занимаются тугие колосья «мироновки» и бикфордовы шнуры тротильных

шашек. Зерна горят. Мины рвутся. А что же в этом аду делает детская душа, «наблюдая исход коней с трагической земли?» Душа бьется в неводе. Она просит «гусей-лебедей» унести ее «к отцу-маменьке» и ближе к родимой стороне. Только некуда нести Мишу. Сначала постарался «кремлевский старец», а теперь автоматчики с родины Гете усердствуют, полосуя огнем вдоль и поперек родную Украину. Или это сон идиота? Если бы.

В те суровые дни войны для тысяч и тысяч «кукушат страны» нежною матерью становится «степная безлюдная даль». Дантова дыра распахнулась и поглотила многих, а на коже живых война выжгла тавро, но выживших и так будут узнавать по цвету волос и едва уловимым приметам их «горемычные братья», «порубанных рош соловьи». Одному Господу Богу известно, что пережила душа мальчика посреди войны. Тому, довоенному Мише Сопину, навечно так и осталось десять лет. И он, сын полка, «на смерть бил, как били все. И пропал, как все».

Пепел Клааса и миллионов «безнадег» на «казенных полях», прислушайтесь! - стучит в наши сердца.

Верим, еще не написана Главная книга о той страшной войне. Но в ней уже есть целая глава Михаила Сопина. Есть его взгляд. Есть его «двужильный голос». Есть «душа, намотанная на траки», которая ищет среди живых «отзывчивые души». Есть глава, в которой полки и дивизии убитых на той войне народа с врагами и палачей со своим народом докричались в девяностые годы двадцатого века сквозь «серый снег и ветер северный». Но не все живые услышали. Поэт знает об этом: «У демагога чистая анкета. Моя в грязи истории душа».

Классические свет и тьма. Извечные противоборцы – Моцарт и Сальери. Противостоящие – небо и земля, добро и зло, бог и дьявол. Вечная борьба. Это не новь в поэзии. Весь вопрос в месте нахождения – «у» или «между» молотом и наковальней. У костра с гитарой или над костром на кресте. Русь всегда славилась страстотерпцами. Огнем и мечом Владимир Красное Солнышко крестил древлян, полян, дреговичей и вятичей. Но еще долго потом по ветхозаветным лесам хоронились языческие волхвы. Еще долго ненасытному Перуну приносили и будут приносить кровавые жертвы. Борис и Глеб – это от Христа. А опричнина и большевизм – от Иуды?

Нас тысячу лет плетками загоняли в рай. Рублев слепнул у Святой Троицы. Достоевский день за днем сходил с ума в тоске по совести и милосердию. Толстой от «жарких объятий» божьего помазанника босым бежал в Астапыево. Еще раньше молоденький поручик Лермонтов повернулся фасадом гусарского ментика в сторону пули. Мы пели гимны о светлом будущем. Нас неслыханно приносили на алтарь победы. Во имя и ради чего? – Молчат в сановных склепах сановные идолы прошлого. Идолы настоящего нанимают архитекторов для сотворения более шикарных склепов. Безымянные подруч-

ные вождей «прикрывали снегом пропасть», оставляя своим сырым подданным лишь одну привилегию – «по-человечьи умирать». А то и не по-человечьи. По-волчьи. По-собачьи.

Жизнь и смерть. Без смерти не почнуть жизни. Закат и кровь одного цвета. Недаром мудрые римляне напоминали: «Помни о смерти!» Не оттого ли у Сопина фортиссимо звучит красный – багровый цвет-свет? - Краснотал. Красный снег. Вода красная. Красные мальчики. Красное. багровое поле. Образность в вихре, в цвете и звуках, видео-панораме.

Классически – вы скажете? А панорамная ретроспектива «восемьдесят лет». Было? У Сопина есть: «Вниз по речке закат. Вверх – калина в цвету».

Поэт имел и всегда имеет выстраданное право роптать на Родину-мачеху, «по каторжным и беженским дорогам пройдя». Но поэт осознает и считает, что раны, пусть и незажившие, – еще не повод для ослепляющей злобы. Он – выше обиды. Прошедший все круги ада и прощающий имеет право произнести слова молитвы Святого Благовествования от Матфея, обращаясь к Отцу Небесному: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

Настоящая поэзия – это молитва и трижды молитва, если она не только за себя: «И в дикость масс Кричи о мертвых нас, Пока хранит Стреложенная воля». Молитва и Плач. Великий Плач. Вообще это в традиции русской лирической поэзии – быть поэту профессиональным плакальщиком, не переступая грань трагикомедии. Актера учат красиво плакать на людях. Эмоции не должны захлестывать хирурга во время операции. Поэт же – и хирург, и актер, и пациент, и зритель. Он играет и живет одновременно. И плачет за всех. У него «души плачут в надрыв». Плачет сам «листвою осеннею наземь». Поэт плачет душою и дает клятву: «Исполню все, что требуете вы, Гулаговцы, бездомники, Солдаты, как пуля в пулю, – С вами! Дата в дату – Прошел по рубежам по болевым...»

Сказать о поэзии Сопина – «высокая гражданственность» – ничего не сказать. Лучше всего об этом он говорит сам: «Поэт – он ближе к Стеньке. Есть те, что не уступят мест у касс. А я не уступлю Свое у стенки». Не многие златоустыцы на это решались. Поэзия Сопина – колдовской набат. Поэзия – колокол. Поэзия – меч. Колокол, собирающий на всероссийское вече. Колокол, будящий совесть и память в наше смутное время, в наш девяносто третий, девяносто пятый и просто пятый год третьего тысячелетия, когда опаленные веком «Убивают брата брата Смертным боем Брата брат». У нас в истории уже были и «Красный сход» и «Крестный ход». Ничему не научились. «Ржава память», – говорит поэт. Ржавчина ест нас изнутри. Напрасно старается звонарь: «Не звони, не вернусь я назад. Мертвым звоном меня не аукай». Поэзия – меч потому, что надо кому-то рубить поганые головы Змея Горыныча.

У Сопина не слово, а Сострадание с большой буквы. Он готов «Каждой В осень рыдающей вербе» «Свою жизнь уступить». У другого сошло бы за позу, а здесь – автобиография, написанная кровью. Тени убиенных товарищей стоят над обледенелой тундрой и не дают сфальшивить.

В сборнике «Смещение» поэт ставит диагноз уходящему больному веку, в котором народился «гриб-гибрид, зачатый страхом и пороком». Но «Мост Истории» не должен сгореть. А в самом человеческом существовании только тогда будет смысл, когда сохранится преемственность и вечное движение вперед. Тогда, говорит поэт, «Я мог бы ножевые года позабыть ради вечного света, Только с верой две искры отдать В руки тем, Кто пойдет с эстафетой».

«Клейменный сын казненного народа» свой «цинготный, голодраный, беспортошный» путь на Парнас проходит «сквозь золотую россыпь тумачов». «Теперь уже людская неволя во мне и господняя воля» не позволяет «бросить ни светлую, ни темную ношу, ни друга в печали, ни недруга в скорби». Путь продолжается сквозь «озверелый прищур амбразур». Боль в стихах звучит как исповедь: «Две капли Боли праведной осталось От нас с тобою, Но не море лжи».

Сверхзадача – пробудить в человеке Человека, сорвать занавес с глаз, поднять с коленей братьев своих, заставить искать причины поражений внутри, а не вне нас: «Милый, мы в шорах: От кривды, Не от правды седы, Что бойню Продолжает лютый враг, А грешных судят Правые суды». Да кто это может сказать венцу природы и центру Вселенной: «Мы над тобой цари, Твой суд и крест»? Поэт отвечает: «Из века в век кочующая мразь».

– Я – мир, я – вершина бытия и сознания, а меня цепью к лоханке?

– Не потерплю! – взрывается «Я».

Если ты не калека умом и совестью, то правда не даст свету помехаться с тьмою местами, даже если «страна – казарма», а «храм – тюрьма». Лишь под черными крылами лжи торжествуют нетопыри и «выполняют план убийцы Под лязг затворов и ножей». Во тьме торжествует «Молох Страх». Тогда у поэта остается только один «крестный путь – в пожар из-под огня». В стихотворении «Мундир и Суть» казнокрадам и чиновникам выносятся приговор: «Мундир бесправен. Лжив. Дыряв».

Сопину не нужен приказ любить или защищать Родину. Ибо он и она – единое целое: «Скипелись мы – Как кладка древней стенки: И подорвав, Нас разделить нельзя». Крестный путь поэта и наш путь. Страна на стыке веков. Мы бредим благими помыслами, но как далеко еще до стремнины: «Мой друг, не сойти нам с причала. Мне стыдно! Мне грустно до слез...»

Но как трудно, когда полет совершается в одиночестве, «когда мастера-скорняки С детских душ сняли скальны на шапки». «Когда

одним – кровавая калина, Другим – черемуха цвела).

Вся суровая жизнь поэта – на линии боевого огня: «Вот так живу на свете белом, Живу, готовясь ко всему». Даже праведнику, не то, что грешнику, есть, в чем маяться,

пусть и за отмоленные грехи. Раскаяние всегда тяжело и для поэта и для политика. У каждого – своя невыношенная ноша. Каждый из нас рано или поздно один на один предстанет перед Вечностью. Но от нас зависит – при жизни или после смерти разверзнутся ворота ада. Строительство темницы и храма начинается задолго до Судного дня в сердце каждого верующего. К строительству храма призывали миссии и пророки человечества: Христос, Будда и Магомет. Но люди извращали их учение. Они строили храм вне себя, населяя его земными идолами и поклоняясь им.

Освященная свобода – это тоже храм в сердце. А дикая свобода и вседозволенность, анархия – храм вне нашего сердца. Кому-то очень выгодно подменять эти понятия, чтобы потом опять загнать не покорных в стойло: «Свободно мыслить – Значит быть мишенью. Одна за вольнодумство плата – плеть. А за холуйство – знаки и петлицы». Тяжела ноша свободы для человека.

Есть ли выход из «круга нищих благ, планетарных потерь»? Выход есть, но надо тело (рыночную экономику, капитализм) привести в гармоническое соотношение с душой (социальной справедливостью и гуманизмом). Запрячь в одну повозку чиновника (коня) и поэта (трепетную лань), то есть совместить несовместимое.

Мы наследники прошлого, дети матери-Земли и отца-Солнца. Но даже общая колыбель не удержала нас от вражды. Войны. Революции. Торги за кусок хлеба. Борьба классов, сословий, рас, религий и партий разрушила общий дом и ввергла нас в пропасть. Сопин чувствует это изнутри: «Взглянул в себя: Там больше нет раба. Но Человека тоже не осталось». В «Шаге первом» по-шекспировски веселится поэт, «от страха ежась. Безумию ума смертельно рад».

«Ужас наград» позволяет «скопищу ничтожеств» всем владеть, но не распоряжаться собою. Бездна разверзается под нами и звучит все тот же снобский вопрос: «Быть или не быть?» И под пытками, отвечает поэт, «быть!» В награду за это: «Шаг первый мой Земного Человека, Последний шаг – Ничтожества земли».

Быть и жить для Сопина – значит не молчать, когда вокруг все люди так «невозможно и красноречиво молчат». В мучительных раздумьях у поэта снова и снова разрешается смысл его веры: «И все ж я жить не разуверюсь, Пока способен замечать В себе униженность и серость И стадной гордости печать». Сопин из последних сил взывает: «Без вести пропавших – надо искать в самих себе себя самих». Найди себя! Покайся публично или в тишине. Иначе, предостерегает Сопин, все повторится сначала. Возможно, что и в худшем варианте. В «Мимикрии» к столбу позора пригвождены Пегасы «золоченого

стойла», «вихляющие телом и торгующие взглядом», когда у «сивки плеть свистит по коже». Выбор поэта – выбор гражданина.

Бегут строчки стихов. Чудово поле уменьшается до размеров манежа. Со всех сторон – улюлюканье и свист. Бьют за память о дорогом. Бьют за надежду на светлое, забывая при этом, что в «минуту музыки прекрасной» «весь мир у ног поэта». И пусть при этом «кто-то рвется от спеси. Но глядят в мою душу колокольни и веси». Настоящий поэт выше разборок на трибунно-бытовом уровне. Стих «Волго-Дон» возвращает нас к «Красному-красному полю» «ударных сталинских строек». Картина не для слабонервных. И как герб на знамени – идол в каменном френче над мясорубкой «меж Цымлой и Соленым».

Но вот пришли 90-е и более поздние годы, а мы еще так далеки от надежд: «Сам жертва и мытарь. Поэтому и говорю: Царит летаргия. Возня о свободе, не боле...» Нет веры былой и нет желания возвращаться на «Поруганную колокольню». И если в начале восемнадцатого века Петр Первый вырывал языки у колоколов, переплавляя их на пушки, то теперь «зависть» и «азарт», «срам» и «страх» с круговой порукою мешают нам услышать «Благовест». И что же это сейчас за время такое, когда «хлынули Толпой В Дворяне хамы?» Не постсоветский ли декаданс?

Голос поэта оборонительно звучит среди рекламных роликов. Против «капралов тыла», против «вранья». За мужика – «архангела серой масти», который: «От вечной лжи Устал хребтом. И если б выпрямился малость, стоял бы в уровень с Христом».

Можно ли любить и ненавидеть одновременно? Может ли земля одним разом быть чужой и родимой? Если мать хуже мачехи, то разве она перестает быть матерью первородившей? Прием оксюморона удачно используется поэтом: «Чужую, родимую землю. За все до удущья. До спазм ненавижу, любя!»

А раз есть любовь, то есть и надежда... Надежда... Это отдельная тема. Наши надежды уходят на тысячу лет назад – к Крещению Руси. Куликову полю, Бородино, Крымской войне, «Варягу», февралю-марту 1917 года, к маю незабвенного 1945-го. Оправдались ли они? Что получили победители и что досталось побежденным? Но вслед за Михаилом Солиным мы приползаем «в тебя веровать. Родина, Надсидив сухожилья о наст». Эта вера требует жертв. Веру убивают. И за веру убивают. В спину дышат клеветники, отступники и жертвы. «Хлеба и воды поражены заразой». Люди растерзаны эпизоотией нравственной чумы, с которой бьется в неравном поединке, как фронтовые санитары. поэты – трубадуры и художники тираноборцы. Поэзия Миханла Солина, несмотря на весь внутренний трагизм, оставляет ощущение светлого – «не бойни, не трасс пулеметных качелей», а «коней с цветами в зубах», несомых весенним половодьем.

Поэт и после смерти сквозь наст в два метра толщиной яростно и

так живо взывает: «Услышь своих, Россия, недопетых, Кто не до- полз, упал, не додышал...» – Миша! Мы слышим! Он посмертно и так мудро предостерегает нас: «Где идея выше власти – пригвождена К распятию Душа». Верую: всем нам Михаил Сопин «...зажег звезду, чтоб она в дорогу, где дороги нет. Всем забытым Богом, Обронила свет...» Обронила, чтобы мы еще раз получили шанс найти самих себя и сквозь грозный набат услышать обнадеживающий «Благовест». Вологда, 2004 г.

Елена Босоногова

О ПРЕКРАСНОМ И МУДРОМ ПОЭТЕ

Татьяна Петровна Сопина продолжает труд по систематизации и самостоятельному изданию наследия замечательного русского поэта Михаила Николаевича Сопина. За два года было подготовлено и издано в общей сложности свыше 40 книжек стихов, дневников и писем, литературных записей почти за сорок лет творческой деятельности поэта. Представляют особый интерес две книги о Великой Отечественной войне. Опаленная ужасами детская память сохранила воспоминания, вылившиеся у взрослого поэта в бередающие душу стихи. Сборник стихов о военном детстве назван «Мальчишка-воин». Издан отдельной брошюрой исторический очерк «Мальчик с Огненной дуги», в котором, связав воедино документы эпохи и стихи, Петр (сын) и Татьяна Сопины открыли, по сути, новый метод литературного исследования:

«Поэзия, – пишут авторы, – ...едва ли должна претендовать на историческую достоверность. Однако в данном случае имеется объем информации, достаточный для того, чтобы попытаться связать документы эпохи и художественное творчество...» С другой стороны, «...не только свидетельства очевидцев могут быть источником исторической достоверности, но по документам истории можно вос- станавливать биографию человека»

Очень жаль, что все эти книги практически не имеют тиража.

Вологда, 2006 г.

Михаил Беркович

ЧЕМУ УЧИТ ПОЭЗИЯ?

О творчестве Михаила Сопина

С первого стихотворения я увидел в нем большого русского поэта, настолько своеобразного, что ни с кем невозможно спутать. Отсюда и началось знакомство. Потом мы обменялись книгами. Теперь у меня две поэтические книги Михаила. Я их не берегу. Ношу в кармане, даже на работу беру. И чем больше читаю, в тугие и неве-

роятно упругие строчки, тем больше они захватывают меня, водят в мир переживаний, сомнений и поисков человека, прошедшего крмы и рымы, огонь и медные трубы. Они не для таких людей. Поэт слишком серьезен. И кому из серьезных людей нужна шуми?а вокруг имени?

1.
*Дышит надсаженно лира,
Смотрит, не видя, вперед.*

*Мне
Из погибшего
Мира
Память
Уйти
Не дает.*

2.
*Прошу об одном лишь:
Пусть будет не поздней расплата
За слово, за немость,
За помысел тайный, за стих.
Избавь от победы,
От зависти, славы, от злата.
Пошли мне прозренье -
Прозренье до действий моих.*

В предисловии к книге «Молитвы времени разлома» Андрей Смоллин написал: «Поэт понимает, что стихи еще никого ничему не научили». Не знаю, возможно, это и мысли самого Михаила Сопина, но даже в этом случае они глубоко ошибочны. Как не нужна дорога, которая не ведет к храму, так и поэзия, которая никого и ничему не учит – для чего она? Более того, каждая строчка, каждое слово из этих в основе своей коротких стихотворений протестуют против такого утверждения. Потому что я за всю свою жизнь не встречал другого поэта, который бы так настойчиво и с такой лезвийной остротой осмысливал то, что произошло в минувшем веке с его страной и народом, с человечеством. Откуда у него такая настойчивость?

Да, за плечами у Михаила Николаевича Сопина тяжелый, трагический путь, но ведь таких судеб в России многие миллионы, поэтами же, в самом высоком смысле этого слова, становятся считанные единицы, а в такой направленности, как в нашем случае, вряд ли встретишь. Возможно, частично на этот вопрос отвечает сам поэт: «Знать, для черного дня в летописцы Всевышний готовил меня». Только мне представляется, что не стал летописцем Сопин... Кем угодно – обвинителем, судьей, поэтом самой высокой пробы, но не летописцем. Вот строчки:

*Я знаю,
Чего мне не надо:
Чтоб вновь загуляла чума
Партийно-копытного стада,
Врываясь в сердца
И в дома.*

Для того, чтобы сказать такие строчки на весь мир, надо иметь, кроме всего прочего, и моральное право. Представьте себе их в устах какого-нибудь прошельги, и они станут для вас оскорбительной пустотой. Тут, мне кажется, дело даже не в том, что поэт, еще не став мужчиной, уже месил фронтовую грязь, видел своими детскими глазами кровь и смерть близких – отца и деда, друзей по играм, а также старших фронтовых товарищей, которые опекали его и отдавали тепло солдатской души. И даже не в том, что, пройдя дорогами войны, он был отторгнут от общества сталинщиной и вынужден был шагать в другом строю, в подконвойном. Суть мне представляется в том, что никакие испытания, никакие унижения не смогли оторвать его от страны и его народа. Пережив немало личных потерь, в том числе и гибель сына, он все время держит руку на пульсе общественной жизни и горько переживает и смерть Анатолия Собчака, и убийство Галины Старовойтовой, и гибель ОМОНа в Чечне... Вот почему, когда поэт говорит о своей личной боли, она болью же отзывается в сердце читателя. Но сразу же оговорюсь – не любого. К стыду нашему, еще немало таких граждан, которые готовы забыть прошлое, не вспоминать его либо помнить «только хорошее». Они утверждают, что все мы делали сами, и «неча теперь на зеркало пенять». То есть, Варлам Шаламов, получается, сам для себя построил лагеря и сам же осудил себя на долгое лишение свободы. Не должно быть никакого суда над сталинщиной, над «партийно-копытным стадом». Так приятней жить. И потому стихи Михаила Николаевича Сопина обращены не к любому читателю, а только к думающему, серьезному. Ибо узнавание правды – процесс тяжкий для сердца, скажем прямо. А кому хочется напрягаться, да и ради чего, если все вокруг так хорошо, а тот факт, что где-то гибнут люди... Так ведь это где-то.

И тут возникает вопрос: а для чего нам необходима эта правда, разве мы хоть что-нибудь можем исправить в прошлом? Можем! Если расскажем о нем все без утайки, без тех полнитических прикрас, которыми это прошлое было окутано в семь слоев, чтобы таким образом отрезать путь к истине. Вот почему нам необходима правда. Ибо от прошлого тянется непрерывная дорога к будущему. Вот как сам поэт говорит об этом:

*Гудит,
Зовет сквозь землю эхо,
И не избыть нам груз вины.
Не повторить бы
Путь по векам
От довоенной
Той войны.*

Не довелось мне, к сожалению, читать стихи раннего Сопина, поэтому нет возможности проследить его путь к зрелости. Зато я могу оценить зрелость. Нередко ему хватает восьми-двенадцати строчек, в которых он может высказать так много, что иному понадобилась бы целая поэма. Опять же не обойтись без примера.

*Октябрьский ровный свет.
Дорога.
Свечою – желтая ветла.
Согреться бы еще немного
От уходящего тепла,
Да не выходит:
Без «злодея» -
То недолив,
То недород...
Великорусская идея
Спать
Русским нищим не дает.*

Что угодно можно говорить об этом стихотворении, но, на мой взгляд, здесь очень ярко проявляется мощь поэтического слова. Для того, чтобы так точно, так пронзительно писать, не опыт и не страдания нужны, а недюжинный талант. Как это у французского поэта Раймона Кенно: «Теперь пишите, но сперва... родитесь все-таки поэтом!» Может быть, в том и весь секрет творчества Михаила Сопина, что он родился поэтом. Не случайно, когда Сопин появился на «Стихах. Ру», вокруг него создалась та творческая атмосфера, которую формируют только большие личности. К нему потянулись коллеги, как тянутся зимой к костру путники. От него исходит аура, дающая заряд творческой энергии.

Сопин не любит длинных строк. Возможно, по этой причине он разбивает обычные стихотворные построения на несколько частей, порой до одного слова, и в этом есть определенный резон. Конечно, когда автор сам будет читать вам стихи со сцены, вы вряд ли сможете уловить тонкую нюансировку, но, оставаясь наедине с книгой его стихотворений, сразу же поймете эти штрихи.

И последнее. Мне кажется, что роль поэта Михаила Сопина в литературе еще ждет своей оценки. Это тот случай, когда не то что сливаются воедино поэт и гражданин, а один без другого невозможен. Подумалось – попробуйте убрать из сборника «Молитвы времени разлома», из книжки «Свобода – тягостная ноша» или из его электронного сайта стихотворения гражданской лирики, социальные, и вы увидите, как все блекнет. И, повторяясь, скажу, что его невозможно оторвать ни от страданий страны, народа, ни от дум о грядущем дне. Да простится мне такой штамп, если я скажу, что людей такого склада во все времена называли совестью нации... К сожалению, сегодня их очень и очень мало.

Ашкелон, Израиль, май 2004 г.

Яков Либерман

ЧИТАЯ СОПИНА

Родину любить можно по-разному. Например, как Тютчев: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить». Или как Лермонтов: «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой». Такая безрассудная и беззаботная любовь схожа с любовью ребенка к матери – самой лучшей, какой бы на деле она ни была. Подобная любовь слепа. И, если отвлечься от эмоций, непродуктивна. Она не делает лучше ни дитя, ни мать, в ней нет стремления к идеалу, ибо он уже достигнут, а потому она обман и не более. Результат ее очевиден: «Я узкоглаз затем, что я привык смотреть в обманчивые дали» (Бунин). Но может быть и другая любовь – не пренебрегающая рассудочностью, любовь, позволившая Некрасову громко, во весь голос сказать:

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная
Матушка-Русь!*

Это любовь, констатирующая несовершенство Родины. Она вскрывает суть несовершенства, его истоки и формы проявления. Она ставит диагноз, без которого невозможно излечение. А диагноз совсем не прост.

Счастье и благоденствие человека на Руси всегда было лишь мечтой. На протяжении всей истории России государство у нас – аппарат насилия над человеком, давления на него. Так было во времена царей и опричников, во времена Ленина-Сталина и НКВД, во многом и ныне, во времена диктатуры коррупции и расцвета бюрократии.

тии. Сегодня, как и прежде, наше государство не выполняет главного своего предназначения – не является защитником человека. Власть и люди у нас сами по себе. Отсюда деградация промышленности и двойные стандарты в политике, обнищание пенсионеров и дикие реформы в образовании... Но несовершенство Родины не только в этом. Оно и в нашем народе. И здесь определить его можно одним словом – жлобство. Отсюда дедовщина в армии и ксенофобия, безынициативность и безответственность, пьянство и лень. Но народ, в котором с каждым годом все больше и больше брошенных детей, который, плюя на все и на всех, на детских площадках выгуливает собак и писает в подъездах, не имеет будущего. Это страшно, но это уже пора понимать. И обо всем этом думаешь, читая стихи Михаила Николаевича Сопина.

В 2004 году Михаил Николаевич Сопин умер от сердечной недостаточности. Стихи же его живут. Они жестки, как его жизнь. В них почти нет лирики. Но, читая их, вспоминаешь Некрасовские «Поэт и гражданин»:

*Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...*

Сопин и не спал. Он не воспевал небеса и моря. Он пробуждал лирой разум и любовь к Родине через любовь к человеку. И через отрицание всего того, что несовместимо с человеческим достоинством. И в этом залог памяти о нем, залог непреходящей значимости его стихов.

Екатеринбург. 2006 г.

Сергей Фаустов
ДУХ КАМИКАДЗЕ

Я поздравляю Татьяну Петровну Сопину. У меня не много знакомых, я сейчас даже не могу сразу вспомнить кого-то, кому посвящали бы не одно какое-то стихотворение, а целую книгу. (Книга «Обугленные веком» посвящена ей).

Я недавно заходил к Сопиным домой и увидел, что Татьяна Петровна ходит в красивом кимоно – синее с японскими узорами. Я этому ничуть не удивился – давно знал, что Михаил Сопин – японский поэт.

Я мечтаю его стихи читать на японском языке – иероглифами. Иероглифы напоминают разорванную колючую проволоку империи гостеррора и гослжи. Стихи Сопина разрывают колючую проволоку несвободы, поэтому они должны быть написаны иероглифами! Я это утверждаю с восклицательным знаком.

В Японии есть писатели, ровесники Сопина, как и он, пережившие драму взаимоотношений с войной и империей. У обеих национальных литератур в этом смысле много общего.

Читая Сопина, ловишь себя на мысли, что читаешь японскую поэзию хокку или танка – трех- или пятистишия.

*Птица во поле
Жалобно свистнет,
Чернобыл ли дрожит
На снегу –
Как собака
Избитая жизнью,
К вам,
Избитым судьбой,
Я бегу.*

А вот из 17 века японской литературы, поэт Басё.
*Поник головой до земли –
Словно весь мир опрокинут вверх дном –
Придавленный снегом бамбук.*

Сегодня мы столкнулись с литературой, и русской и японской, но в данном случае, они находят очень тесные соприкосновения. В них дух камикадзе, вынужденных кричать и вынужденных молчать. И в молчании создавать икебану, чтобы не совершить харакирн.

Сергей Фаустов
БОЛЬ СТИХА
(О книге М. Сопина «Смещение»)

В словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Татуировка» говорится о том, в древности люди подвергались, с нашей точки зрения, добровольным мучениям и истязаниям болью – ради несущественных целей. Объяснялось это тем, что чувство физической боли древние люди преодолевали довольно легко. Это связывалось с более низким интеллектом. И утверждалось, что с развитием человечества, цивилизации, боли будут обостряться. Так оно и есть, наверное.

Мысль о взаимосвязи разума и боли возникла у меня при чтении книги М. Сопина «Смещение».

*Как начинается калека?
Смецают свет и тьму ума
В бетонной центрифуге века:
Страна – казарма,
Храм – тюрьма.*

Так Михаил Сопин привносит в упомянутую проблему еще и политический аспект. Все стихи об одном – душевной боли под пятой гостеррора. Эту тему поэт разработал досконально, углубив до философских обобщений. Это истинно русская философия анти-тоталитаризма, которая нашла выражение в простых словах человека, «закормленного с детства дурманной тюрьмой кодекса и КЗОТа», но сохранившего в себе правду, «вечный российский родник».

Искусство, если оно не шаблонное, состоит из испытанного художником и не известного читателю, зрителю. Валерий Брюсов утверждал, что произведение искусства является таким же средством познания, как, например, математическая формула. Вынужден сделать отступление, потому что многие привыкли считать «чернухой» то, что некрасиво. Но уродливость, выраженная окрашенными болью словами, не может принять карикатурного выражения. Михаил Сопин этим методом владеет безукоризненно:

*Держивным страхом рот зашитый,
Мыча проклятьем и виной...
...Устал... От конвульсий дебильных поклонов...
...По комнате, под рупорный зуд
...Сладострастно хрустя сапогами,
Вождепобы в шеренгах идут!*

В книге слово «нежность» встречается один раз, хотя для раннего творчества оно весьма характерно. Теперь правдивая истина-

ность жестоких слов дороже дешевой подачи читателю. Если в наше время и происходит возврат от сместившегося мышления к общечеловеческому, то книга Сопина «Смещение» тому способствует.

Сергей Фаустов

«МИХАИЛ И ТАТЬЯНА СОПИНЫ.

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ ПОЭЗИИ» (из публикации)

Поэзия становится искусством, когда она синтезирует, эволюционно развивает и рождает речь, смыслы и значения. Но этого недостаточно. Синтез всегда имеет обратную задачу – анализ, ведущий к началу, *ab ovo*.

Почему компьютерная поэзия не является искусством (как бы нам этого ни хотелось)? Ее невозможно анализировать, у нее нет эволюционно рожденных образов, смыслов, значений, нет ни творческого, ни временного начала, к которому идет вдумчивый читатель.

Я не случайно начал говорить о синтезе искусства и его анализе, потому что в контексте такого явления, как Михаил Сопин, понять это просто необходимо.

В изданной в США книге «Пока живешь, душа, люби...» прослеживается дорога в прошлое, к происхождению поэта, к годам войны, жизни за колючей проволокой, когда рождались первые дошедшие до нас строки. В подготовленной Татьяной Сопиной серии «Наследие» – история обретения поэтической речи и образов. Без книги «Мальчишка-воин» и исторического очерка Петра и Татьяны Сопиных «Мальчик с Огненной дуги» невозможно понимание военных стихов. Без знакомства с «Лагерными дневниками» не оценить масштаб личности. Без прочтения «Писем» Михаила и Татьяны будет обеднена лирическая струя, вылившаяся в любовный цикл «Лицо святое светлое твое»...

Задача критика и литературоведа – сделать тайное явным, проследить дорогу к истокам творчества поэта и провести читателей по путям искусства, прямым и обратным.

Вологда, 1995 - 2006 г.

Иосиф Письменный

ЕСЛИ БЫ ПАРНИ ВСЕЙ ЗЕМЛИ

Вспоминается название именно этой некогда популярной песни, когда держишь в руках книгу стихов «Пока живешь, душа, люби» замечательного русского поэта второй половины XX-го века Михаила Сопина и знаешь историю того, как появилось на свет именно это издание.

Итак, стихи русского поэта, родившегося в Курской области в 1931 году и умершего в Вологде в 2004 году, вышли в издательстве в Аме-

рике, в городе Чикаго на русском языке в 2006 году стараниями многих людей и прежде всего благодаря двум женщинам – родившейся на Украине и ныне живущей в США молодой женщине Светлане Островской и вдове поэта Татьяне Сопиной, проживающей в Вологде.

Несколько лет тому назад Светлана Островская побывала на Украине и была потрясена судьбой ликвидаторов последствий Чернобыльской катастрофы. Чернобыльцы страдают вдвойне: от физической боли и от того безразличия, с которым к ним относятся многие окружающие их люди. По мнению Светланы, теплые слова поддержки не менее важны чернобыльцам, чем финансовая помощь. Она задумала собрать под одной обложкой авторов добрых стихов и рассказов из разных стран, издать книгу в США и подарить ликвидаторам, а оставшийся тираж продать и деньги от реализации раздать чернобыльцам. Идея практически неподъемная, почти утопическая. Когда Светлана поняла это, то не опустила руки, а решила издать книгу только одного автора – умершего незадолго до этого Михаила Сопина. И вот книга увидела свет.

Особый колорит придают стихам Михаила Сопина прозаические обрамления стихотворений, выполненные Татьяной Сопиной. Это не те солидные научные, исторические или литературоведческие комментарии, к которым мы привыкли в академических изданиях классиков. Стихи и их обрамление живут единой жизнью.

К сожалению, имя Михаила Сопина мало известно российскому и зарубежному читателю. И причин тому много. Одна из них, едва ли не главная, это та, что Михаил Николаевич – личность совершенно самостоятельная, а не поэт, принадлежащий к какому-либо литературному кругу или направлению. Он никогда не стал бы одним из стаи, поэтому был одинаково чужим и для почвенников, и для апрельцев. Возможно, даже сам того не представляя. Зато они, вернее, их лидеры, прекрасно понимали, что Сопин никогда безоговорочно не примет позицию ни одной из групп писателей, а будет отстаивать Правду, одну только Правду, ничего, кроме Правды: своей, горькой и выстраданной. Сопин – поэт широкого диапазона. Он мог быть глубоко лиричен:

*Тихонько подойди
И на глаза
Ладоней
Осенний холодок
Нежданно положи.*

Но он не был бы Сопиным, если бы и в лирику не вносил своих философских раздумий:

*Не разлука страшна мне,
И не то,
Что однажды
Уйдешь и больше не придешь
И не то, что на камне
Следы твои вымоет дождь.
Совершенно зная
Тревога в груди:
Вдруг совсем не замечу
Потери,
Оставшись один.*

Он мог бы писать стихи для детей:

*Мы сегодня – я и брат –
Сядем у окошечка.
Нынче дождь идет с утра,
Серенький, как кошка.
И деревья ветру вслед
Кланяются шатко.
Желтый листик на ветле,
Как звезда на шапке.
Это очень хорошо,
Даже очень-очень:
Дождик рядышком пошел.
Рядом,
А не мочит.*

Но предпочел стать взрослым поэтом. Лирика Сопина всегда гражданственна. Он переживал за будущее родной природы:

*Все обреченнее и глуше,
Как дождь в последний обмолот,
Я слышу тихий плач лягушек
Перед погибелью болот...*

Печалился, что умирает «малая Отчизна», гибнут души изб и хуторов:

*Избы-избы,
Милая Отчизна!
Хлебные степные хутора!
Скоро вас
По древности отчислят,
Разнесет
Бульдозер или крап.*

*Скоро, скоро
Хрип болот осушат.
Все скует бетонная плита.
Но над ст?тью
Будут ваши души
В феврале метельном пролетать.*

Но главное в его поэзии – это судьба его поколения, судьба подростков, которых жестокая война сделала не по возрасту взрослыми, а потом власти родной страны постарались упрятать в лагерях и тюрьмах. Судьба самого Михаила Сопина.

*Не знал я одежды
Достойнее лагерной пробы.
И света не ведал
Светлей, чем в барачной клети.
У гроба, Россия,
Дай снять арестантскую робу.
Дай в саване вольным
Во имя твое отойти.*

Сопин шел от осмысливания своей судьбы к судьбе страны:

*Команды, колонны, этапы –
Безродных кочевников шать...
И стали российские бабы
Жить на смех
И наспех рожать.
Страну разрушают обиды –
Бессрочный и наглый цинизм:
Убиты,
Убиты,
Убиты,
Отпеты,
Пропиты,
Забиты!
Преступен такой «гуманизм».*

Верно, без ложной скромности он оценивал свое место в русской поэзии:

*Для того и живу,
Сквозь глумления чащу дерусь.
Что без этих вот строчек
История будет неполной -*

*Как без «Мертвого дома»,
Как без Гоголя странного
Русь...*

Его стихи афористичны. Возьмем наугад:

*Народ предаст, продаст, отступится...
Не в первый раз ему уже...
Дай сил мне,
Мысль,
Дай сил, заступница,
Дай сил на тяжком рубеже.*

Позволю себе кончить эти заметки стихотворением Михаила Сопина «Молитва»:

*Спасибо, Господи, ты спас
Меня от рабOLEнья масс,
От гостеррора – зверств людских,
От государственной тоски,
Пророчащих нетопырей,
Отцеубийц,
От лагерей,
От бомб, от пуль,
От века спазм -
От голосующих за казнь.
От вьюг, что в сердце мне мети –
Гослжи,
Госпьянки,
Госпетли.*

Иосиф Письменный
НЕМНОГО О ПОЭТИЧЕСКОЙ ПАЛИТРЕ МАСТЕРА

Пусть жизнь моя
Темна и нелегка,
Пусть я сейчас для многих непотребен,
Но убежден, что буду жить в веках
Одной из звезд
В печальном русском небе.
М. Сопин.

Каждый художник (в широком смысле этого слова – включая артистов, поэтов, писателей, музыкантов) работает в любимом жанре, с любимым материалом, выбирает из палитры близкие ему цвета,

краски, пользуется излюбленными приемами. Именно приемами, а не шаблонами. Так, к примеру Антон Павлович Чехов писал в основном рассказы и драмы и не писал романов. Гоголь любил смелые метафоры, гиперболы и сравнения, и его персонаж имел штаны такой величины, что в них могло бы уместиться Черное море.

Я не литературовед. Я просто один из поклонников творчества поэта Михаила Николаевича Сопина. Перечитывая его стихи, я обратил внимание на то, что он любил по несколько раз повторять одно и то же слово или словосочетание. И это не от бедности словарного запаса – более того, если требовалось, он смело образовывал новые словосочетания. Вот один такой пример (курсив в этой статье везде мой. - И.П.):

И лишь глаза твои
Прощально, грустно, строго
Глядят в меня
Сквозь *расстыковку лет*.
(«Уходит старое...»)

Здесь и сочетание нескольких слов, характеризующих разные свойства чьего-то взгляда: «прощально, грустно, строго», и удивительно новое сочетание «расстыковка лет» - в противовес привычному «стыковка» (например, на орбите).

Позволю себе привести стихотворение «Баста»:

Баста. Нет больше сил разлучаться,
В пене красной бежать в никуда -
Для борьбы за вселенское счастье
За годами сжигая года.
Не могу - от политанекдотов,
От смиренных роб дон-кихотов,
От похожестей, тождеств и сходства,
От маразма устал и от скотства
От притворной общественной спячки,
От пророчащих в белой горячке,
От увечного страха-полона,
От конвульсий дебильных поклонов,
От залапанных истин потертых,
От починов, значкистов, значков,
И дрожат средь живых, среди мертвых
Поплавки моих красных зрачков.
А по ним,
Разъярив себя в галле,
По команде, под рупорный зуд,

*Сладострастно хрустя сапогами,
Вожделюбы в шеренгах идут!
От оркестров, от маршей, гавотов
Веселясь, погибая, губя,
Я устал умирать для кого-то
И, наверное, жить для себя.*

Прошу заметить: более десятка строк перечислений – и каждый раз новая мысль, новая краска. Еще деталь: частные, конкретизирующие перечисления внутри общего перечисления («от похожестей, тождеств и сходства»: «от починнов, значкистов, значков»; «от оркестров, от маршей, гавотов»; «по команде, под рупорный зуд»; «веселясь, погибая, губя»). И метафора, завершающая картину: по «оплавкам красных (ясно, что они залиты кровью) зрачков» поэта, «сладострастно хрустя сапогами, вожделюбы в шеренгах идут!» (Между прочим, мне кажется, что словечко вожделюбы придумано Сопиным).

*Прошу на прощанье,
Пока не ослеп,
Приснись мне, Россия,
Приснись мне, Россия,
С багровым закатом
В полынную степь.*

Повторы нужны, чтобы усилить звучание, воздействие той мысли, которую поэт хотел донести до читателя. Причем, делал он это скорее всего неосознанно. Просто так требовал стих:

*Не кричи, не кричи,
Не кричи, моя боль,
Не кричи.
(Лагерные тетради», 1968 г.)*

Так четырехкратным повторением двух слов (*не кричи*) начинается стихотворение, а заканчивается тоже трехкратным повторением, но уже другого слова:

*Знаю только –
Когда тебя бьют,
То резвясь, хохоча,
Потому что
Так принято, принято,
Принято нами.*

(«Принято нами» бить других людей, «резвясь, хохоча»).

А вот подпись под коллажем:

*Команды, колонны, этапы -
Безродных кочевников шатъ...
И стали российские бабы
Жить на смех
И наспех рожать.
Страну разрушают обиды -
Бессрочный и наглый цинизм:
Убиты,
Убиты,
Убиты,
Отпеты, пропиты, забыты!
Преступен такой «гуманизм».*

Такое сочетание повторов и перечислений дает эффект усиления мысли поэта о том, что «бессрочный и наглый цинизм» разрушает страну.

Читаем раннее стихотворение 1968 года:

*Уйти бы, уйти бы, уйти бы,
От счастья,
От грусти смешной
В пустыню,
Где льдистые глыбы
Тревожно
Горят под луной.*

(Заодно хочется отметить такой образ: в ледяной пустыне *льдистые глыбы «тревожно горят под луной»*).

А вот строки из стихотворения того же периода:

*И в тучах
Из цветного ситца
Кружусь,
Кружусь-кружусь-кружусь,
Боюсь на землю опуститься,
В ее мятушуюся жуть,
Где, раздирая рот в улыбке
И плоть зудящую свою -
Сонм масок,
Призрачных и зыбких,
В разноголосицу поют...*

Давайте здесь прервемся. Вообще-то я собирался оборвать штату на строке «ее мятущуюся жуть», но не смог остановиться – жаль было не привести словосочетания «раздирая рот в улыбке и плоть зудящую свою», и «сонм масок, призрачных и зыбких», и «в разногласицу поют».

А какой подбор звучания слов: раздирая, Зудящую, приЗрачных, Зыбких, в разНогласицу!

Однако не будем отвлекаться от заданной темы повторов.

Улетающих птиц
Расстоянье размыло вдали.
А в лицо мне
Кружится
И *падает, падает, падает*
Умерший лист,
(«Я лежу...»)

Многократно повторенный глагол *падает* прекрасно передает картину медленно-медленно падающего и никак не приземляющегося листа.

Стихотворение «Холодно...» хочется привести полностью:

Холодно...
Накрыться б одеялом
И *закрыть-закрыть-закрыть-закрыть* глаза,
Чтоб увидеть сон,
Как в детстве, *алый*,
А потом кому-то рассказать.
Алых птиц
Восходы и закаты,
Алой пылью конники *пылят*.
Ночью - *алый* дым
Над жаркой хатой.
Алый дождь в косичках ковыля.
Алый стыд и *алый* смех, и счастье,
Алыми грядущие года.
Только б со слезами не встречаться
Алыми
Нигде и никогда.

Если «*закрыть-закрыть-закрыть-закрыть*» и «*пылью* конники *пылят*» – это явно относится к повторам, то *алые* краски детского сна, *алые* цвета птиц, восходов и закатов, дождя, стыда, смеха, слез к повторам в явном виде не отнесешь, но они нужны, чтобы показать, предупредить, предостеречь, как хрупко все в нашем мире, где прекрасный красный (*алый*) сон может перейти в *алые* тоже, но крова-

вые слезы жуткой действительности. О чем поэт пишет и в других своих произведениях; например:

Пока могу *рыдать* -
Рыдать, рыдать сквозь смех
В душе, в самом себе,
Бросая вызов миру и судьбе.
(«Гляди, пока я жив...»)

Хочется прервать свои заметки вот на этой строчке, которая так хорошо подходит ко всему творчеству Михаила Николаевича Сопина:

Бросая вызов миру и судьбе.

Израиль, 2005-2007 г. г.

Валерий Архипов
СНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ПОЭТА

Он пришел к нам с философскими размышлениями о нас же самих, о том, что с нами случилось за эти такие короткие и такие долгие перестроенные «великие» дни. Он имеет право на то, чтобы передохнуть, осмотреться, произнести:

Впервые мне легко.
В дожде дома кривые.
Бельмастые огни,
Деревьев нагота.
Я жгу в костре души
Без жалости впервые
Хлам обветшалых дней.
Спрессованных в лета.

Он останется с нами, только вот наберет сил, поправит свое подраненное крыло, подарит нам свои поэтические признания, в них не сразу, не вдруг, не сейчас, но все-таки будут: красное, белое, голубое.

Еще с того момента, как ступил на вологодский перрон, он заслужил право кричать о своих болях потому, что эти боли, переданные через художественные образы, стали уже общечеловеческими, как общечеловеческими для нас стали полузадушенные вопли Шаламова. И, несмотря на прикатившую откуда-то с запасного пути известность, усталый и нездоровый, сидит поэт на грубовато сколоченном табурете посреди полупустой комнаты, сидит и поет жестко и горько:

*Скука, скука, скука.
В ад податься? Ко святым?
Мысль, как пойманная сука
Живодером подпитым,
Смотрит в тусклость
тусклым светом,
В безразличье, мутью в муть,
Понимая без совета:
Вой, молчи –
Окончен путь.*

Вдруг приходит такое сознание тотального нелюбопытства, гнетущего равнодушия и греха народа-мученика, народа, что приходится говорить:

*Войной увеченный и битый,
Живу, недавнешний изгой,
Среди других уже событий
В другой стране
И сам другой
Средь мирных дел,
Жильцов и комнат,
Где – тихо, сердце,
Не скули! –
Нас не забыли
И не помнят,
Нас просто смазали с земли.*

Но уже выговорившись, выкричавшись, Поэт находит в себе силы и, войдя в очередную реальность, возвышается над землей, над этим шариком – Вселенским укором, со звездой-темницей на левой груди...

Вместе с тем очевидны однообразность его художественных приемов, стереотипность излюбленных автором слов и выражений. Кроваво-черно-серое полотно – огромный поэтический экран... И Автор ведь понимает – добавь он в это мрачно-серое варево хотя бы горстку зеленой да голубой краски – получилась бы благодная картина, но что поделаешь... Надо наводить мосты между прошлым и будущим, между снами Поэта Михаила Николаевича и реальностью бывшего заключенного с короткой фамилией Сопин.

*Закрою глаза - не буди,
Не сплю я на облаке легком,
Забьлся до боли в груди
О прошлом.*

*Далекам-далеком.
Не сплю я.
Склопясь ко плечу
Душой в изувеченном теле
Покоем согреться хочу
От жизненной долгой метели.
Чуть-чуть полежу без огня,
Без стыло-постылого света.
Ты молча пропой для меня
Что хочешь,
Что не было спето.*

И все же чувствуете – просыпается, пробивается росток нежности, тепла. Ну черт возьми, если скинуть с себя грязно-кровавую, семь десятков лет не стираную рубашку, а если мало, то и верхний слой кожи, обугленный веком, отдышаться, обратиться к друзьям, прислониться щекой к плечу любимой женщины, а уж потом всколыхнуться на сиянье Храма Божия, обречь себя на вечные скитания в огромном мире с приторным названием «Поэзия».

Так кто же мы, жертвы или палачи собственного «я», если, не дождавшись грядущего, рухнули в мутные воды ненависти и страха? Вдоволь настрадавшись, нахлебавшись тины и болотины лжи, вырывается Поэт, чтобы свести счеты с прошлым. Ибо, не найдя успокоения в определении степени нашей вины и вины государства, невозможно плавно перейти на коврик любовных грез, не обрета хотя бы иллюзии победительности, невозможно говорить с легким сердцем о всепрощении. Тем более, что нет-нет, да и подстерегают нас знаки госправды, госпроверки, госавтоинспекции, прочих «госов», открывших мир желанно-сладкого слова «свобода», а потом, будто испугавшись сквознячка, просят поубавить, притушить «не меру расходившиеся страсти» художника.

Поздно. Кто же теперь может замолчать голос, произнесший во всеуслышание:

*Я знал тебя, Россия,
Всякой, разной,
Полубезумной –
В пятилетках казней,
Под картлика, ублюдочного хана,
Ложашеюся мстительно и пьяно,
Этатной, атакующей в бою!
И задыхаясь, говорю упрямо:
Все вижу: светлая,
Все помню, мама.*

*Все помню, мама,
Кладя ладонь на голову твою.*

Поэт дрался, дерется, будет драться со своим поколением, поколением Победителей, в одночасье превратившемся в поколение Победенных. Но ведь видно, что Поэт, обретший крылья, взлетел ангелом над грешной страной, поставившей к стенке целый народ. Он этот народ жалеет и любит, да и как не жалеть, если он сам частичка его, если воспевал заветные стежки-дорожки, протоптанные каменным мужицким сапогом.

Пришло время, уже можно сделать передышку, присмотреться «к власти и судьбе», поговорить о счастье, поэзии и о Боге:

*Свет мысли, сердца чистый лучик,
Среди самнамбул наяву,
Среди ханжей и самоучек
Тобой, Поэзия, живу.*

И тогда он довольствуется белым-пребелым девическим платьем, репродукцией Моны Лизы, впечатанным в грязь следом кирзового сапога, краюхой черного хлеба на белом как женская грудь деревенском рушнике. Не кровь будет хлестать из разбитого рта, а песня:

*Луна луговая,
В просторе подлунном могила.
Заброшенный холмик –
Как пайка в платочке-узле.
Чья стежка здесь кончилась?
Чья здесь надежда погибла
На милой и проклятой
Нашей российской земле?*

Вологда, 1997 г.

Галина Щекина
КРИК И МОЛИТВА

Книгу М. Сопина «Смещение» (1991 г.) нужно долго усваивать и обдумывать. Возможно, данные заметки – это обламывание хрупких краев проруби, где лед еще тонкий. Но они могли бы подсказать дорогу другим критикам.

«Смещение» – это взято из нашей жизни, где все понятия смешены, перевернуты, ценности обесценены, идеалов нет, все лучшее обречено на гибель, где страдание стало законом существования – сейчас как в недавнем прошлом –

*Садистские дознания в подвале,
Где не было мучениям конца,
Где к милости напрасной не зывали,
Под сапогами лопаясь, сердца...*

И в таком случае «Смещение» – это еще мягко сказано. Если у нас ветер, то у Сопина ханавей! Он на своем пути не то что смешает, а сметает! (*Ханавей* – состояние обреченности у заключенных северных лагерей -Г.Щ.)

Стихи Сопина не аккуратные кирпичики эстетика, а острые, угласые глыбы, летящие в бешеную реку бытия. Он торопится успеть осмыслить, что творит с нами время.

Проговаривая такие стихи, автор срывается на крик. Но это не прием, не истерика. Изначальность такого крика – и в горькой судьбе Сопина-человека, и в совестливости поэта.

*Дурманной тюрей Кодекса и КЗОТа
Закормлен с детства на сто лет вперед:
Согреты сердцем карцеры и дзоты.
Едва скулит душа, уж не орет.
Все так и было. Тягомотно. Тошно.
Таков мой путь к Парнасу. Вот таков:
Цинготный. Голодраный. Беспортошный.
Сквозь золотую россыпь тумачков...*

*За отправку души на корню
Юность теплом смело в обелисках.
Не люблю, не княжу, не браню
Ни чужих, ни таких, ни близких.
А за то, что пощады просил,
Был народным судам колесован*

*И одышливо падал без сил
У таких же бессильных часовен.*

Говоря о себе, он обречен говорить о тысячах изгойных и увечных сыновей, среди которых столько лет находился:

*Я о тех, что не встали,
Глядя в небо с мольбой,
И моими устами
Говорит эта боль.*

Это целое поколение, поставленное на колени. Детдомовцы, гулаговцы, солдаты – вот они, его северные стан, которые до сих пор требуют: «...И в дикость масс кричи о мертвых нас». Потому что у них, как и у него, один удел –

*... Свобода сквозь решетку на окне,
Улыбка обесцещенной любимой –
Вот что досталось в этой жизни мне.*

Получается – нет своего или чужого, все воедино. Рушились на всех одинаково шквалы горя, и он обрушивает их же на читателей:

*Хлеб мой тяжкий – дорожный мой камень.
Озверелый прищур амбразур.*

*К отвергнутым закон не шел с повинной.
То бьет нас бойня тыла, то война:
Кто чист – в легенды. Мы – в глухие были.
Все стройки коммунизма – наш дебют.
Нацисты не дожгли и не добились –
Простой расчет: свои своих добыют.*

Сопинский путь к Парнасу – от пережитого самим – к пережитому всеми – к пережитому страной. Он судьбу страны впитал – и выкричал, и выпел. Потому и язык сопинской поэзии лишен красноты. жесткий до предела. Он, как и прожитые годы, состоит из слов: злорадия, грязь, палач, обрубки... Да, много вобрал этот язык и черного, и кровавого. Но зато много и такого, по чему Сопина узнаешь за версту. Неповторимы, ярки, как молнии, его образы: траки, палы, глум, безлюбье, лиховея, снеговой, индеев и ржавь, листопадит-хороводит, снежит...

Еще одна уникальная черта – обилие назывных предложений. Невероятно много умудряется сказать автор простым и тяжелым, как выстрел: «Грунт и гравий, и тачка, и тачечник...», «Жирный пепел,

красный снег...», «Преступно. Каторжно. Невинно...», «Поцелуй, похоть, вздох, всходни – к плахе, на крыльцо?...». «Слева чаша. Леса. А направо обрыв. А с небес голоса – Плачут души в надрыв...», «Вечно. Недавно. Сегодня...», «Пророчашее веронье. Буран народного бессилья...», «Ни памяти, ни древа, ни колодца...». «Орда Мамая. Зырк Мамая...», «Низкопоклонство. Страх. Усталость...». «Поколенья. Души. Судьбы...».

Поэтическая речь до того уплотнена и сконцентрирована, что даже самые абстрактные, отвлеченные понятия становятся резче, выпуклее самой реальности: «история хлобышет в берега...», «правда разрывала вены...», «душа болит, как отнятые руки...», «чтоб властная клика на наших костях пиrowала...», «вмерз иней страха...», «от двоедушья, от удушья...», «бьет из главных калибров усталость по разгромленной жизни моей...», «зека обрубленные руки – шизондный диагноз масс...», «подбило память серой льдиной...», «скинелся с ней (Родиной), как кладка древней стенки – не подорвав, нас разделить нельзя».

Есть в стихотворчестве такое понятие – оксюморон, это формальное противоречие поэтического текста, когда рядом стоят слова, противоположные по значению и неожиданно усиливают друг друга. Стихи Сопина – это сущий кладезь оксюморонов самых невообразимых: светотьмища, правда лжи, слепозряще, грустная удача, утратное счастье, оглушающая тишина, на родной чужбине, во имя мерзости святой, эпоха пряника-кнута, невольники воли, культура хамства, людно-нелюдимо, плача сухо, немо хохоча, вопль онемелый... И самые интересные – двойные оксюмороны, например: «Безумию ума смертельно рад», или – «Со всем святым, что прежде было свято, крещусь без рук на церковь и тюрьму».

Ткань стиха наполнена гиперболами, но они направлены не на преувеличение, а на усиление, в частности, это приставки гос- и ком-

Эта приставка как бы клеймо на слове, она подчеркивает и бессмысленность, и окончательность понятия, а иногда это действует как отрицание – «Тепло мне в госодежде».

*Спасибо, Господи, ты спас
Меня от рабoлетья масс,
От гoстeррoрa, зверств людских,
От гoсудaрствeннoй тoски,
От вьюг, что в сердце мне мели-
Гoслжи, гoспьяйки, гoспeтл...*

В том же режиме – составные слова, слитые в одно, например «психо-говарищей- господ». На усиление и обогащение образа ра-

ботают не только смысловые, но и звуковые характеристики.

*В бетонной центрифуге века
Страна казарма, храм – торьма.*

Прислушайтесь, как рычит и лязгает в этих строчках громадное неповоротливое «р». Так движется жуткий механизм. А вот из стиха «Удары»:

*Вглядись в фанерки звезд, в погосты-чащи.
Легко произносся «тридцать шестой»,
Мы восхваляем мрак кровотокаций,
Тот ножевой, жеребый злобой взмах...*

В гудении и надсадном зуде шипящих чудится смертельная опасность пилы или косы, из тех, что косят насмерть. Еще один пример:

*И опять согреваюсь у белого стылого польмя...
И поет мне метелица голосом дикого голубя...*

*И зеленой звездой снежинка в ладонь мою белую
Опустилась как елка в туманном каком-то году.*

Здесь перестук «г-л-д» создает полную иллюзию власти холода и ледяного морока. Сопин велел:

*Работай, медсанбатная строка,
Избавленная жизнью от излишеств.*

И действительно, она работает как кайло, вбивает в нас правду жизни как в каменистую почву. Даже к известным, давно надоевшим словам начинаешь относиться по-новому!

Возьмем слово «душа» – не найти, пожалуй, причала поэтов более истоптанного. Оно встречается в книжке почти на каждой странице, но не только глаз не колет, а и найти его будет сложно. Это происходит потому, что здесь слово употребляется не для не прикрытия пустоты, мы ощущаем его модификации, бесконечные преломления и оттенки: «Пригвождена к распятию душа...», «Развалнами душ не исцелиться...», «Души-свечечки горят в Сверхдержавье Черном...», «Кочуют стаи душ...», «И листвою по октябрьской излучке гонит долгую горечь души...», «Душа кутенком истощенным в пеньковом галстукe сидит...».

Михаил Сопин не избрал новояза. Язык его – это настоящий русский язык, которым он сумел воспользоваться по-человечески, так, что сразу ошарашивает: действительно великий, могучий, свободный.

Крик и плач по своим ушедшим братьям, по своим северным ста-ям. Он то затихает в строчках, то вырывается наружу с новой силой. Это слишком напоминает кладбищенский причет, в нем тоже скорбь непреходящая, неостановимая. Поэт – плакальщик погибели?

Есть еще закономерность: эмоциональный накал стихов-причетов все растет, растет, кажется, еще немного и будет не вынести. Вот тут-то и делается шаг от факта жизни к факту искусства. Высота чувств, доходя до какой-то болевой грани, переключается на иной уровень. Туда, где за ослеплением приходит прозрение, за смятением – ясная мысль.

Горе выбивает человека из колен и он становится бессмысленным рабом этого горя. На похоронах любимого человека девушка кричит до осатанения, становится на глазах безобразной. Но ей мудро подсказывают простые слова молитвы – «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас...» И она, повторяя их, выпрямляется, приходит в себя, лицо яснее. Душевная организация Сопинского героя аналогична. Его плач как раз и содержит такую святую молитву, не позволяющую ему стать рабом горя. Иногда такой поворотный момент виден на странице.

*Сорок второй. Нас жгут со скарбам всем.
Горят косички, ленточки матросок.
И по живым свинцовый хлещет посох
Страшной приказа двести двадцать семь...
И тут я понял – если не осилю...*

Иногда весь мучительный предшествующий путь скрыт за горизонтом, и мы видим перед собой только последние, проясненные фразы. Поэт получает ядро стиха почти хирургическим путем, выделяя из одиннадцати строф всего три, но какие! Те самые, уже озаренные.

*Иду среди скотиц и сборищ
Глуцов и пророков.
Иду издалека -
Бог знает в какое далеко.
И темную ношу несую я,
И светлую ношу:
И друга в печали,
И недруги в скорби не брошу:
Под таинством неба иду я.
По таинству поля.
Людская неволя во мне
И господняя воля.*

Тут все чисто от подходов и предысторий, тут высота и усталость мученика, терпение философа. Недаром некоторые мотивы Сопина очень библейские, и они даже перекликаются, например, с мотивами Заратустры. Тот несет людям свою идею о сверхчеловеке, и герой Сопина хрипит свое «ку-ка-ре-ку» грядущему веку. И тот, и другой непонятны и отвергнуты. Только пророк Заратустра, презирая «последнего человека», покидает мир ради пещеры отшельника, а Сопинский пророк рубит тайгу и металл, надрывается со всей страной вместе и в то же время горько смеется над собой за то, что он «олигофрен иден» и не может порвать со всем этим. Снова – причастность, прикованность, судьба.

Если в книге «Смещение» взгляд поэта больше смещен в прошлое, в лагерно-военную эпоху, то в публикациях последнего времени (конец XX века) он все чаще останавливается на сегодняшнем дне, в тоскливом социуме которого ничего не меняется в сравнении с недавним кошмаром.

*Все нет к родному куреню
Дороги мирной, без погоста.
Зато родному воронью
Живется радостно и просто.
В державе старцев и детей,
В стране обьевишихся и нищих
И я – Господь меня не спас –
Прошел дождем на пепелище.*

«Россия – вечный фронт без тыла...», «Всегда ты была замордованным краем...» – это все о ней, которую он «ненавидит, любя». И даже в глубоко личных посвящениях (Шаламову, Сидельникову...) шквально идет в нем этот глубинный поток осмысления любви-ненависти. Разгадка проклятых вопросов по Сопину – в раздирающем слиянии противоположностей.

Это снова мотив оксюморона, только разветвленный и более глубокий. Своего рода философия, порожденная смещением сознания. Победа военная, внешняя есть поражение внутреннее, потому что самообман, кажущаяся правда и сила, а на самом деле – пропасть безмыслия, духовное рабство.

*Наше детство в кровавой пыли.
Под бомбежкой обиды и беды.
Наша юность замерзла вдали,
В долгих сумерках после Победы.*

Долгие сумерки – вот чем оборачивается Победа. Лексика Сопина, обычно резкая, взрывная, становится все более молитвенной.

раздумчивой. Одна ли усталость тому причиной? «Лишь о пошадe не звени, не надо, шадящих в этой жизни не шадят».

*Пред свечами тремя, пред свечами,
Мысль идет к одному рубежу...
И лягу я вокруг без печали,
Без обиды и боли гляжу.*

*По окопам пройдя, по конвойным скалистым аллеям,
Ощутив на себе обух битвы и мирную плеть,
Если ты не смогла, мы, живые, тебя пожалеем.
Отрыдав от обид, должен кто-то тебя пожалеть...*

Четвертая поэтическая книга М. Сопина «Обугленные веком» неотрывна от предыдущих – «Предвестный свет», «Судьбы моей поле», «Смещение». Это продолжение крика-молитвы, в котором все меньше крика, все больше молитвы. Потому что все смещено на поле его судьбы, где предвестный свет исходит именно от обугленных...

Вынужденный проклясть изнемогает от жалости и любви. В этой книге много посвящений – это смещение души в те высшие сферы, где иное видение сущего. Исход жалости, человеческого тепла из души, промерзшей на столетья – видимо, это и есть нравственный вывод Сопина-человека и Сопина -поэта. Он не тешит себя иллюзиями, предчувствует время, когда наоборотная, мучительная жизнь отойдет в прошлое. Он прозорлив до сердечного вздрога. И понимая это, твердо выводит:

*Спертый ветер эпохи, дорожных страниц не листьев,
Не найдешь там ни слова о скопище строек великих.
Мы уходим, последние певчие северных стай,
Гениальные – в серость роняя – предсмертные крики.*

Вологда, 1997 г.

Галина Шекина
«ПОКА ЖИВЕШЬ, ДУША, ЛЮБИ...»
ПОЛЮСА

Жизнь – любовь, любовь-ненависть, ненависть-прощение... Двоичная, диполусная основа этой книги сразу и бесповоротно приковала мое внимание.

Эту книгу, вышедшую в Чикаго, «Пока живешь...» – написали ДВА незаурядных человека. Поэт и прозаик. Муж и жена. Солист и аккомпаниатор. Получилась сложная полифония, в которой то одна мелодия явственней, то другая. И переплетение их создает новый мелодический рисунок. В сущности, это единое, неразрывное, это

сильное любовное явление, двухполюсное.

Главный герой книги, поэт Михаил Сопин – человек в высоком смысле непонятый, пророк, не услышанный страной. И упрямо стоящий на своем. Автор написала об этом просто до жути и без лишней поэмы... В прозе Сопиной, пишущей о великих понятиях, совсем нет пафоса. В стихах Сопина, наоборот, сплошной пафос. Он пишет на таких высоких тонах, которые иногда не под силу читателю. Но если в поэтической речи это читается как горечь и гордость, как поэтическая гиперболизация, то на фоне бытовой истории его жизни это уже не выглядит преувеличением. Потому что те новые факты о жизни Сопина, которых он не мог или не хотел говорить мне в личной беседе – например, история со сжиганием писем, история самоубийства – перевернули многие мои представления об этом человеке.

Убитых надежд было слишком много в жизни Сопина. Их было столько, что нет смысла вспоминать тут, их надо читать все вместе в книге... Противостояние государству – было, но не стране, а именно госаппарату. И при этом к самой-то стране – глубокое, сыновнее чувство. Разве не полюса? Вообще, что творилось у него в душе, разрываемой этими полюсами...

Комментарии Сопиной к стихам Сопина, которые стали содержанием поэтических эссе, резко расширяют поле зрения при столкновении не просто с конкретными стихами, но и с поэзией вообще. Подходы, ракурсы, увеличения и уменьшения – как при разглядывании картины. Все становится ярче и рельефнее, все оживает. Из слов рождается кино, или может быть, жизнь сама возвращается, течет вспять. Такова магия документального слова, когда оно сказано страстно и честно. Ее эссе и стали фундаментом всей книги, ее цементирующей составляющей.

Да и лексика поэта тоже вся на полюсах и на противоположностях. Еще когда я писала в 90-х годах о творчестве Сопина в «Литературную Россию», то говорила о широком употреблении оксюморонов. Но это не только оксюмороны-слова, но и оксюмороны-понятия, более сложные образы, состоящие из одного и более слов. Это еще раз подтверждает, что литязык Сопина сверхконцентрированный, сверхлаконичный и очень емкий.

Условно я разбила бы поэтическое языковое поле Сопина на три части:

– отдельные слова, более сложные или составные понятия-образы и внезапность цвета в понятиях;

– слова, в которых двоничная основа: смердовластие, артбуран, вожделюбы, беловоронье, заоконье, узница-лира, завей похоронный, пустофразие;

– понятия-образы с двоничной, оксюморонной основой: злое

милосердье, героизм бедствий, иго свободы. стреноженная воля, олигофрен идеи...

Эти символические слова-понятия – сильное выражение творческого стиля Сопина. Стиля, стоящего на полюсах, на противоположностях, на пропасти между ними.

Сами стихи – это бездна между мирной рекой, «ребятишками солнечнотелыми» – и «садистскими дознаниями в подвале». И это внутри только одной темы детства. И ведь есть еще тема войны, солдатства, многие другие.

Основное поэтическое пространство Спину написано черно-белой палитрой.

Все время не покидает ощущение, что смотришь жесткую хронику XX века, именно черно-белую. Но когда изредка вспыхивает цвет, он действует с удесятеренной силой:

«Алый дождь в косичках ковыля, алый стыд и алый смех, алым - грядущие годы...» Вот опять – сочетание двух подходов.

Как верно замечено, вся эта книга – полюса... Публицистика Т.Сопиной – бытовая вязь, ровное суровое полотно, а стихи М.Сопина – это взлет поэтических образов – черно-красная графика, вытканная на этом суровом полотне...

Вологда, 2007 г.

Андрей Моисеев СУДЬБА ПОЭТА

Книги бывают интересными и скучными, талантливыми и бездарными... Некоторые мы закрываем, так и не осилив до конца, другие «проглатываем» и забываем через неделю. И только в редких случаях прочитанное оставляет яркий след в сознании, а иногда – изменяет нашу жизнь и представления о мире.

Когда я беру в руки изданный в США сборник ушедшего от нас два года назад поэта Михаила Сопина «Пока живешь, душа, люби!...», я, кажется, начинаю понимать, чего именно не хватает большинству вполне добротных книг, чтобы остаться на долгие годы в сердце у читателя. Михаил Сопин – это не просто личность. Это – *судьба*, судьба типичная, и вместе с тем уникальная.

О каждой «вехе» – что и как сложилось в жизни поэта – надо писать подробно. От этого я воздержусь, скажу только, что судьба такая и вправду типична, ее зигзаги во многом закономерны, так или иначе повторяются в биографиях тысяч... Казалось бы, при таком количестве свидетелей пора бы уже знать о тех временах абсолютно всё – до последних подробностей. Аи нет! По-прежнему история СССР – как торчащая над водой верхушка айсберга, который, того гляди, пу-

спит ко дну наш безмятежный жизнерадостный «Титаник».

О лагерях знали не понаслышке миллионы. Но испытать – еще не значит осмыслить, пронести сквозь годы и выразить. В этом отношении поэзия Сопина уникальна. Она – сплав яркого таланта и жестоких страданий, результат огромной внутренней работы. Это действительно слово, сказанное от имени миллионов:

*За все, что выстрадал когда-то,
За все, чего понять не мог,
Две тени –
Зека и солдата –
За мной шагают
Вдоль дорог.*

Увы, большинство товарищей Сопина по несчастью так и не узнали о человеке, который поэтическим словом сумел выразить их сокровенные беды и чаяния. Почти неведомо его творчество и следующему поколению. Но даже читающие были зачастую не готовы к столь жесткому разговору о нашем прошлом и настоящем, о бедах и нравственных болезнях страны и общества. И... отшатывались от автора, который ни в одном стихотворении не изменил своему видению.

И сегодня читать стихи Сопина нелегко - порой больно, а порой – слишком глубоко, чтобы свободно дышать. И в то же время читать их совершенно необходимо. Потому что то, о чем поведал миру Михаил Сопин, узнать больше неоткуда.

Так и слышу в этом месте голос за кадром: «Неоткуда? А зачем? Время делает свое дело, поколение Сопина уходит в прошлое. Нужно ли всё это нелегкое наследие человеку нового века, озабоченному совсем иными проблемами?» – Позвольте, а иными ли? Разве вокруг нас не та же страна с многовековыми традициями произвола и беззакония? Разве мы уже «выдали из себя раба» до последней капли? Разве сон разума больше не порождает чудовищ?

Невозможно двигаться к лучшему будущему вслепую – без осознания того, где таятся корни несчастья, которое с нами приключилось. Не переосмыслив свои ценности, не отказавшись от сидящих внутри нас заблуждений и предрассудков, мы так и будем ходить по кругу. Разорвать его неимоверно трудно – редкие одиночки, такие как Михаил Сопин, ценой огромных усилий пробивают в нем брешь, но нужно, чтобы из замкнутого круга сумело выйти все общество – только тогда у него появится шанс стать лучше, чем вчера и сегодня.

Москва, 2005 г.

Татьяна Сопина

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

Военная лирика: Михаила Сопина

Недавно заслуженная артистка России Елена Распутько побывала в Португалии. И тут произошло то, что ее мистически поразило, хотя случайности в нашей жизни объясняют все. В семье, куда ее пригласили погостить, оказалась 75-летняя Елена Яковлевна – уроженка Украины, из-под Харькова. Десятилетней девочкой ее застигла война. Помнит все места, упоминаемые в стихах Михаила Сопина, особенно станцию Лозовая. Говорить об этом не может без плача, без внутреннего потрясения. Такое же впечатление от военной лирики Сопина.

Напомним, что мальчиком, в возрасте 10-14 лет, ему довелось пережить бегство из-под Харькова, оккупацию, Курскую битву на Воронежском фронте, а потом дойти с войсками Советской Армии до Потсдама. И хотя первые стихи пришли к нему еще в сорок втором, по-настоящему поэт стал писать о войне, когда ему исполнилось за сорок. Сборника военной лирики Сопина нет до сих пор. А между тем, этот голос индивидуален.

Это почти всегда фокусировка двух-трех времен – прошедшего, настоящего и будущего. Смотрит мальчик, а оценивает взрослый.

А горячие ветры тяжелые –

Ближе и ближе,

И вокзал известково пылью еще не забит. (Мальчик).

Я беззвучно кричу:

«Заберите скорей ребятишек.

Пока звезды еще

Не коснулись фугасом земли!...» (Это уже взрослый).

И подхватят меня чьи-то сильные руки подмышки,

Одного из печально поющих твоих сыновей...

(Мечта – мальчонка? Взрослого? Но она не сбывается):

... И ударит мне колокол

В огненный путь у Хотмыжска...

Эта захлебывающаяся, пульсирующая перебивка создает энергетику, вообще свойственную творчеству Сопина. Нередко она проявляется не сразу, а как бы «в раскачку». Начало стихотворения очень спокойное, от случайного. Но напряжение нарастает стремительно:

*Сидел у окошка.
Глядел в облаковую завязь...
Вдруг мысли хлесть-нахлесть
Уродливым скользам по льду:
Повеяло детством и ужасом,
И – показалось –
Какими путями! –
Метель в предвоенном саду:...*

Чувствуется, что внутреннее кипение поэта – его постоянное состояние, готовое вырваться в любой миг яркой мыслью, воспоминанием, обобщением.

*Лушно. Полночь. Луга.
Дремлют кони.
Костерок дымовой на лугу...*

Но за этим мирным костерком тут же встает видение:

*...Но в пыли и в дыму Лозовая
И себя не узнать сквозь бичты...*

Несколько точных попаданий, врезающихся в память образов: поезда на горящих путях, белые шапки зениток в поднебесье, раскаленные сходни, жгущие стопы... Заметьте сочетание лексики: профессионально-военное («За насыпью – пост», «За сто шагов до поворота», «С преградой водной у деревеньки Тополя») и – «поднебесье, стопы»: так говорят поэты, а не солдаты и тем более не генералы.

И – как выдох – концовка:

*И горит меж былым и сегодня
Перебитыми крыльями мост.*

Хотя какой уж выдох, если мост горит до сих пор... Этот не заживающий разрыв, ощущение невозвратности («И туда не добратся, и не выйти сюда...») чувствуется за каждой строкой.

Про войну вообще написано очень много. Нет, наверное, ни одной забытой детали. Новое у Сопина – эмоциональность подачи, рождающаяся из этих бросков, от стереоскопическо-кинематографического приближения: «Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок...» – до эпического обобщения:

*И молча вставала
Живая*

*Над мертвой Россия,
Чтоб в сердце моем согреться,
Пока не умру:*

(А почему – молча? Минута молчания? Наверное, так, хотя не думаю, чтобы поэт что-то формулировал в момент создания стихотворения. Просто ТАК УВИДЕЛ).

Причем, от деталей до обобщения так мало строчек, что читающий не успевает опомниться. Рождается эффект «сжатия», пружины, готовой распрямиться. Но распрямляет ее уже читатель – и волнение передается.

Стихи Сопина сильны исторической правдой, которую не всем хочется видеть. И когда поэт сообщает, что на земле, за которую сражался, мальчишка-воин «не хозяин и не гость», сначала запинаешься, а потом почти возмущаешься – не клевета ли? А ведь это – от жизни. И дело не только в том, что сам Сопин в силу трагичности судьбы не смог вернуться на родную Белгородчину. «Не хозяевами» оказались очень многие победители в Великой Отечественной.

А вот поэт видит себя «живым среди убитых и неживым среди живых». Сколько забытых ветеранов подписалось бы под этим!

«От имени павших догорит напряженно душа», – такое кредо определил для себя Михаил Сопин в начале зрелого творчества, и эта тревога не угасает: «Скажи – не зря мы полегли?..»

*Чья форма на них? Чьи медали?
Не видно сквозь толщу земли...
Скажи, чтобы здесь не топтали.
Скажи, чтобы в нас не плевали.
Мы сделали все,
Что могли.*

А сегодня, когда в Таллинне хотят снести памятник советскому солдату, удивительно современно звучат вот эти строки:

*Нет слез
Балтийских, русских, датских...
Они одни на белый свет.
Не трогайте могил солдатских:
Средь павших оккупантов нет.
Земных не оскверняйте дат.
Храните небо голубое.
Раскатывая прах солдат –*

Живым готовят поле боя.

Когда душа болит по-настоящему, человек не очень-то заботится о том, каким его видят. Для поэта главное – высказаться: в «никуда», самому себе. сформулировать в образах, избыть внутренний груз. А когда наступает выдох... не будем лукавить: всякому автору хочется быть услышанным.

И он был услышан.

После публикации некоторых стихов в Интернете Татьяна Полякова (США) пишет, что подобное пережила ее бабушка в годы войны в Белоруссии.

«Так мало остается ниточек, – продолжает она, – по которым можно найти правду о войне – «из первых рук». Стихи Михаила Николаевича – одна из таких ниточек... Я считаю, что(это) бесценнейший материал, назначение которого – работать... Работать во благо мира, во благо детей, внуков, правнуков людей, погибших в этой жестокой войне... Пожалуйста, предлагайте его историкам, педагогам... Так горько становится, что многие начинают забывать историю...»

Учительница русского языка Чалтан Чалтанова, Ташкент:

«Теперь стихи Михаила будут и в Ташкенте читать. Пока – школьники, а там – кто знает?»

Андрей Моисеев, Москва:

«Страшно, горько, но - читал, не отрываясь».

Жаль, что всего этого автор уже не узнает.

Вологда. 2007 г.

Татьяна Сопина

ВЫПАДЕНИЕ ИЗ ВРЕМЕНИ

(Михаил Сопин и Анна Ахматова)

Листая раннюю (неопубликованную, 1971 года) тетрадь Михаила Сопина, мне вдруг показалось, что нечто похожее я читала совсем недавно. Да, конечно, это было стихотворение Анны Ахматовой, найденное мною в «Воспоминаниях об Ахматовой» Лидии Чуковской. Совершенно точно, что Михаил Сопин этих стихов не читал ни тогда, ни после. Тем не менее, общий настрой и даже ритмика (неторопливого шага) похожи. Приведу оба:

Анна Ахматова:

... Мне страшно в тот день была прогулка.

Когда я вышла, остыл меня

Прозрачный отблеск на вещах и лицах,

*Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что миновало мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила,
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете -
Припомнить
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.
(1914-16 гг. - 1940 г.)*

Михаил Сопин:

*Пока утренние огни не проснулись,
А ночные уже не горят,
Я выхожу в тишину улиц
Собирать туман декабря.
Для чего?
Может, он мне когда-то приснится,
Этот туман
И невидимые деревья,
На которых белые песни
Поют невидимки-птицы,
Может, он мне приснится,
Этот неуловимый снег,
И я вновь буду счастлив мгновением,
Обретенным в коротеньком сне.
(1, декабрь, 71).*

У Ахматовой картины чувств более раскрыты и раскованы, но смысл тот же. Заметим, что у Сопина на эту тему не одно стихотворение, а цикл (в полном воспроизведении он более «прописан»). У Ахматовой звучание стиха красочное, объемно-материализованное, у Сопина – призрачно-сумеречное, а если провести параллель с живописью – краски не масляные, а скорее пастельные.

Оба поэта стихи не пишут, а ими живут. Оба – не печатающиеся. И у обоих никаких иллюзий на счет своего будущего – как поэтического, так и общественно-гражданского.

Не потому ли Сопин, как и Ахматова, на описании светлого чувства воссоединения с природой не останавливается – их творчество, у каждого по-своему, поднимается до высокого гражданского звучания. «Я была тогда с моим народом Там, где мой народ, к несчастью, был...» – напишет в 1961 году великий поэт и мать, проведя в тюремных очередях в Ленинграде семнадцать месяцев. А осужденный и отсидевший 17 лет в сталинских лагерях Сопин, который по возрасту мог бы быть ее сыном, откомментирует: «Она была с народом, а я этим народом был».

У Ахматовой ее гражданские стихи (за исключением темы блокадного Ленинграда) будут тщательно вымарываться, а когда благодаря нажиму с Запада в период оттепели это имя замолчать уже станет невозможно, в сборники и публикации будут включаться стихи наименее значимые, чтобы не очень эрудированный молодой советский читатель озадаченно пожимал плечами: «Ну и что тут такого? Действительно, сентиментальная барынька... Прав был товарищ Жданов...»

Но все-таки военные стихи Ахматовой путь к читателю нашли в срок. Военным стихам Сопина тоже не всегда отказывали в печати, хотя масштабы подачи несравнимы.

Настоящее творчество Ахматовой ограничивалось известностью в узких кругах, и только в конце прошлого века его стало возможным узнать в полном объеме – когда, к сожалению, в России читать серьезное почти перестали.

Сопин и узкого понимания был лишен, и во многом из-за самого себя. Не получивший хорошего заряда признания в юности, он, переходя на новый этап творчества, переставал ценить прежнее, чем безусловно себя обеднял. Множество поистине замечательных стихов и тетрадей пылились в рукописях и не пропали, может быть, только потому, что не попались в горький момент на глаза автору – вполне вероятно, что он их уничтожил бы. Узкий круг читателей и почитателей, конечно, был и у него, но довольствовался сиюминутным – что не всегда соответствовало полноте и качеству таланта. Отсюда недоумения, возникающие сейчас по поводу того или иного творческого периода:

– Это что, Сопин? Он здесь совершенно на себя не похож.

А откуда вы знаете, похож или не похож? Для того, чтобы об этом судить, как минимум его надо читать.

А вот это-то и трудно. Во-первых, как мы уже заметили, в России читать отвыкли. Во-вторых, поэт издавался «клочками» и тенденци-

озно. В-третьих, он написал... простите, так много, что осилить это рядовому читателю маловероятно. Нужен заинтересованный отбор, издание сочинений, хорошо оформленных и доступных. Нужны, наконец, материалы о творчестве и неразрывно связанной с ним судьбе, поскольку, как бы меня не убеждали, что «хороший автор пробьется к читателю сам», я в это не верю.

Вологда. 2007 г.

Исаак Подольный ОЧИЩЕНИЕ ДУШИ

«...На голове метель седых волос...» На впалых щеках – глубокие морщины. Застуженный хрипловатый голос и пальцы, похожие на барабанные палочки, – верные признаки застарелого лагерного бронхита... Синие веточки вен на натруженных руках: каким только черным трудом не пришлось заниматься в долгие зековские годы... Глаза усталые, но внимательные, настороженные, но добрые, то вспыхивающие в понимающей улыбке, то гаснущие в разговоре о суетных мелочах... Со скепсисом улыбки на губах...». Характер – жесткий, но не озлобленный. Таким вспоминают Михаила Сопина друга.

Его старались не замечать. Остается только догадываться – почему?.. Мы часто судим о людях, исходя из привычных, устоявшихся в нашем сознании масштабов. Но вдруг оказывается, что определенная личность вовсе не укладывается в масштабы общепринятые.

На долю Сопина досталось еще и сложное время перестройки, которое он назвал «недостройкой перестройки». Жизненный опыт сделал творчество этого периода, я бы сказал, еще более публицистичным и зрелым. На крутом времени разлома автор чувствует самую высокую ответственность не только за личную судьбу, но и за будущее России. И он не хочет, чтобы новая Россия сохранила черты страшного прошлого: невежество, жестокость, раболепство перед сильными мира сего. Лучшие страницы его гражданской лирики поистине уникальны.

Последнюю главу сборника «Молитвы времени разлома» Михаил Николаевич Сопин назвал «Больше нет раба». Кто же еще в российской поэзии после знаменитых строк «Мы – не рабы! Рабы немые» смог гордо сказать «Больше нет раба»?

Достаточно взять в руки книгу, чтобы убедиться, как мучительно и последовательно поэт очищал свою душу, каждый свой сосуд от «склерозных бляшек», мешавших кровотоку свободной мысли. Он понимал и постоянно помнил о высоком призвании. А мы, читатели, в перипетиях социальных бурь последних десятилетий переставали понимать исцеляющую силу поэзии. Вот, вероятно, почему роди-

лись горькие строки:

*Поэт - глашатай
Высшей воли.
Все, что верялось лично мне,
Я говорил по Божьей воле
Глухой,
Бесчувственной стране.*

Выше всего Михаил Николаевич ценил свою внутреннюю свободу. Слишком большую цену он заплатил за то, чтобы стать выше холопской толпы, личных обид, ханжеской моды:

*Сам с собою не враждуя,
И со смыслом,
Видит Бог,
Я пишу свои раздумья
Для того,
Кто одинок.
Что мне знаки,
Что мне моды
Ханжества и холопья?
В государстве
Нет свободы
Благодатней,
Чем моя.*

И если в стихах явно слышится боль, то, в первую очередь, – о сегодняшней России и ее завтрашней судьбе. Когда-то Махатма Ганди писал: «Свободу надо искать среди тюремных стен». Знал ли Михаил Сопин эти строки? Не уверен... Но именно там он сумел не сломаться и найти свою дорогу к внутренней свободе.

В зрелом творчестве Сопина нет так называемых «проходных» стихов: в каждом – философская мысль, глубокое содержание. Нет ни вычурных слов, ни надуманных рифм. Ни одной лишней строки. И вообще, манера письма, когда вся строка состоит из одного-двух слов, говорит о совершенном владении поэтической формой. Как про него сказано: «Из песни слова не выкинешь!». Многие стихи так и просятся стать песнями. Михаил Николаевич и сам хорошо это чувствовал. Чудом удалось реставрировать со старых затертых любительских пленок четырнадцать песен в авторском исполнении.

За месяц до кончины на литературном вечере Михаил Николаевич, как завещание, прочел:

*Нету на земле таких идей,
Чтобы ради них губить людей.
Помни, твое имя – Человек.
Не ссылайся на жестокий век...*

Вологда. 2006 г.

Андрей Наугольный

ВОССТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

(размышление о книге «Молитвы времени разлома»)

«Ты царь: живи один» (А.С. Пушкин, «Поэту»)

Михаил Сопин – великий поэт русского подполья (несмотря на то, что член союза!). Великий, величие – это не бронза или пьедестал, речь-то идет о подпольной России, о ее юродивых, очарованных и нищих. Только строки, скупые строки-пайки, за которыми – вот оно, истинное величие! – яростная месть человеческой природе и породе за неразумность и некрасивость мира. В них все: и русский Бог, и русский бунт, и русский вой. Энциклопедия здешней нежизни.

Где Мопассан писал: «Я из числа людей, у которых содрана кожа и обнажены нервы».

Таков Михаил Сопин – Поэт, сохранивший в памяти для нас, убогих, сохранивший – все, что ныне скромно именуется «печальными уроками XX века». Свинцовая педагогика, почти приговор. А заслониться от бесовщины можно только любовью. Знает об этом Сопин: «Живи. Тепло души храни, и знай, что уходя в дорогу, я пережил святые дни благодаря тебе и Богу». Любовь – Бог?! Вспомним у Пушкина: «Я верю, любим; для сердца нужно верить...» Любовь – вера?! А значит, есть и надежда. Так превращается дикий волчек в прекрасную розу Иерихона. Жива любовь, живая влага сердца. В памяти, но жива... А раны на памяти – алые розы. Но, но... любовь держит и не спасает. Где ей?

Все еще скачет по России Медный всадник. Скачет и топчет. И сопротивляются ему, перечат, дразнят лишь измученные жизнью одиночки: юродивые, уродцы, шпана. Вернее, поэты, чьи голоса, запоздалые или преждевременные, будто последнее «Ура!» штрафного батальона. И голос Михаила Сопина, как голос протопоба Аввакума из недр Пустозерска, забыть трудно. Стихи – заклинания. Он пытается усмирить дьявола, заглянув ему в пасть.

Кто-то из великих заметил: «Человечеству ненавистен запах человека». Заметил и угодил в Сопина, с его мгновенной реакцией на социальный беспредел: «Мне человека в жизни жаль. А человечества – не знаю...»

«Потому что я такой, мне завещано от Бога: одиночество. Покой. И осенняя дорога». Варлам Шаламов писал в «Новой прозе»: «Считаю одиночество оптимальным состоянием человека». Человеческого, но не пророка, для которого одиночество – невыносимая плата за всего лишь попытку сохранить, хотя бы в собственных легких божественный воздух свободы. Тайной свободы, нашей свободы. И снова А.С. Пушкин: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли».

И так до последней черты, до креста. Черствая корка поэзии для очарованных и нищих.

МИХАИЛ СОПИН

*Когда в душе свернется маета,
Как старый пес, когда вокруг морозно.
До стоны жаль прошедшие лета.
И боль за все, что переделать поздно:
Не все еще, – шепчу я – сожжено.
Мне очень одиноко, очень стыло.
Я в той поре, когда любить смешно,
Желать грешно, а не любить – нет силы.
Молчу – не лгу. И не молчу – не лгу:
Беспомощная, жалкая, слепая
Стоит душа босая на снегу.
Едва дыша, едва переступая,
Глядит в глаза с надеждой и стыдом.
Но никого хотя бы в чем-то схожих...
И в синюю прозрачную ладонь
Слетает с нег с воротников прохожих.*

* * *

*Крестили – тебя не спросили,
Раб божий, земной человек.
Идет пробужденье России?
Двадцатый кончается век!
Во сне перекошены лица
Идейно озлобленных зон,
И длится, и длится, и длится
России клинический сон.
Прощай, сочиненное чудо,
Страна, диких мыслей игра.
Пора уходить ниоткуда,
К себе возвращаться пора.
Надежда – продление обмана,
Кужушка в декабрьском лесу:
Мосток из огня и тумана,
Качающийся на весу.*

ПОЛЕМИКА

Александр Дубинин

ИСПОВЕДЬ ИЛИ ПРОРОЧЕСТВО?

Прямой текст исповеди поэта – «пресволочная» штука, конкурентов себе не терпит. Сначала исповедь, а потом уже, если получится, и поэзия. Она (исповедь) – веками выстраданное слово, благодать божья: «Могущий вместить да вместит». Не всем эта любовь, а только тем, кто достоин. Выкрикнул правду, а поэзия... испарилась.

Михаил Сопин и поэтом-то стал вынужденно, в виду полной безнадеги жителя-бытия. Не хочу ничего цитировать. Ищите книгу, читайте – в ней все правда, да вот поэзия тоже умерла, не выдержала напряжения: «До жестокой тоски Ощувив пустовой бытия...» «Прет опять ломовой оптимизм... Тело каменным стало... Гулеванила, властью пригретая, свора...» «За оградой державы Жрал гулаговский нас реализм»...

Крайности всегда сходятся. Поп-арт прошлого века и нынешний концептуализм сводят несводимое в одно пространство. Понимай как знаешь! У Сопина на слуху вся идеологическая хрень прошлых лет, чудовищная, абсолютно несъедобная каша: «Хочет есть радикал, Просит «левым» пайком поделиться, И по сходной цене лохмотину – прикрыть наготу. Отыграв-оболванив Обостренною схваткою классов – В социальном удушье Найдется для смердов вина! Боже мой, сколько раз Молодым человеческим мясом. Наспех сляпав Указ, Затыкала ты прорву, Страна...»

Господи, зарекался ведь цитировать, – а цитирую и цитирую!

Такого душевного, тесного пространства, как в этих стихах и поэме «Агония триумфа», я больше не встречал нигде. Плотность высказывания запредельная: подметное письмо или донесение разведчика из вражеского тыла – вот подходящий жанр. Таких в живых не оставляли ни свои, ни враги. Ох, как не любит таких начальство...

Самое подходящее определение для поэзии Михаила Сопина: это символ, наша первожизнь, все это наше проклятье. Но именно символу отдавал Николай Бердяев смысл Бога и саму первожизнь вселенной. Донесение из Ада коммунистов, пророчество или исповедь?.. Но такое не забывается!

Грязовец. 2007 год.

Татьяна Корзина
НАПИСАНО СЕРДЦЕМ

Поэта Михаила Сопина я для себя ещё только открываю. Поэтому мне очень важно, что книга «Пока живешь, душа, люби!...» рассказывает прежде всего о жизненном, а потом о творческом пути поэта. Когда знаешь, что представляет из себя человек, лучше чувствуешь, что хотел он сказать, понимаешь его чувства, его радости, боль и искания. Вот это для меня очень важно. От этого книга становится более прозрачной, как бы продутой ветром.

Думаю, что как дилетант в поэзии и сочинитель прозы, я все же имею право обсуждать творчество поэта, у которого надо учиться. И ведь есть чему поучиться. В некоторых стихах поэта рифма для меня непонятна, она совсем не такая, к какой я привыкла, например:

*Я тебе не писал,
Что меня посещают виденья,
Временами зовёт меня кто-то,
Кричит, кричит...
То вдруг чья-то рука
На виду у честного народа
разденет,
То я вижу себя
В язычке у горящей свечи.*

А вообще, как человек впечатлительный, я стихи Михаила Сопина воспринимаю очень остро, и в основном не с точки зрения рифм, а именно душой, изнутри.

*Родные плачущие вербы!
Глухое дальнее село!
Я б не любил тебя наверно,
Так обреченно,
Так светло,
Когда б над каждым
Чёрным знаком
Не убивался сердцем я,
Когда бы сам с тобой не плакал,
Отчизна светлая моя.*

Стихи проникновенные, рвущие душу, написаны человеком, знающим тяготы и лишения не понаслышке, не по книгам. Он сам прошёл суровую школу жизни:

*Как жили мы,
Военных лет шпана,
Колёсная, подвальная, земная –
Пинки
Душа и кости пацана
Неизгладимо чувствуют и знают.
Пятнадцать лет
Неволи окоем.
Но не ослеп
От суеты и рвения.
Открылась тайна в облике твоём,
Явилась жизнь –
Возможность откровенья.*

Я чувствую, что стихи писаны сердцем, и только любящее, не-
креннее сердце могло так сказать:

*Я живу – как во сне.
Я уйду – словно снег...
В первый раз обману
И тебя, и себя,
Что с дороги свернул
В неоглядных степях,
Что бродил – колесил
По родимым местам,
По великой Руси
И в дороге устал,
Что душой я не здесь:
Далеко, высоко!
А в глазах –
Эта резь
От зыбучих песков.
А искал я одну
В своей жизни весну,
Но теперь отдохну,
Недолго усну.
Я прожил – как во сне,
И уйду – словно снег,
Как уходят ручьи
Вешним полем ничьим.*

С этими стихами и закрываю книгу, которую не хочется закрыв-
вать.

Галина Макарова

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ НОША

По поводу книги Михаила и Татьяны Сопиных

«Пока живешь, душа, люби!..»

За именем Михаила Николаевича Сопина – целый космос. пространство, косматое от бушующих, противодействующих сил, притягивающих красотой и отталкивающее хаосом, восхищающее мощью творческого потенциала, далеко не исчерпанного в силу сложившихся обстоятельств (судьбы?).

Перефразируя слова М.С., признаюсь, что чтение этой книги было для меня сладостной, но и во многом тягостной ношей. Сладостной, ибо в М.С., этом горлане, бунтаре, который мечет громы и молнии гражданского толка, я вдруг открыла чуткого, нежного романтика, человека раннего и зоркого, влюбленного в природу и женщину, наделенного золотым даром слова. Стоит ли перечислять десятки и десятки совершенных стихотворений, которые хочется перечитывать, переживая точность и глубину их содержания, любуясь красотой формы. Великолепный цикл «Радуйся, человек» вызвал у меня не только восторг и удивление (неужели это Сопин?), но и чувство вины. Ведь я могла иметь, не будучи с ним знакома, одностороннее и ущербное представление о поэзии М.Н.

А в чем же тягостность моей читательской ноши? Не могла отделаться от сожаления (глупого, конечно), что человек радующийся уступил место человеку негодующему, клеймящему позором страну и народ, ставшему рупором Обвинителя. По мере чтения сборников «Клеймист» сначала будоражит барабанным боем, потом начинает угнетать одноцветной интонацией. Многовато общих фраз, не хватает солнышка – того, что проглядывает в лагерных стихах. От словесного грома читатель глохнет, восприимчиве притупляется, ибо болевой порог уже перекрыт. Иногда я, читая стихи М.С., чувствовала себя воробьем, по которому стреляют из пушек.

Нередко хочется поспорить с высказываниями М.С. Он предсказал, что о его творчестве будут говорить разное, но всегда это будет правда говорящего. Но ведь и его творчество – только ЕГО правда. Если правда автора в главном не совпадает с правдой читателя, будет ли умножаться число его почитателей?

Вот как М.С. определяет основной признак поэзии: «Она обладает лечебными качествами. Сказал – избыл внутренний груз». Да, конечно. Но разве не важнее эффект для читателя: «Прочел – избыл (или хотя бы облегчил) внутренний груз»? «Не навреди!» – девиз (заповедь) врача с древних времен. Не к тому ли призван и поэт? Если в его творениях «все плохо, все виноваты», читатель задавлен негативом, душа его съеживается от словесного хлыста.

И здесь хочется вспомнить удивительную живопись нашего художника Г.В. Калининна и его кредо: «Не знаю, почему рисую именно так, просто мне хочется, чтобы от моих работ зрителям хотелось жить!» Вот это – да, вот это я понимаю и принимаю!

М.С. говорит о понятии Родины:

«Нужно, чтобы человек чувствовал себя на ней, как младенец на груди у матери: защищен и накормлен; свободно, уютно и не страшно. Красотой, добротой должен быть привлечен». Думаю, повсеместный (и повседневный) уют, свобода и отсутствие боязни на земле попросту невозможны. Младенец у груди – это только потребитель, а не гражданин, строитель и защитник.

Еще мнение М.С.:

«Критика должны быть сиделкой тяжело больной поэзии». Однако тяжело больному редко говорят правду о его болезни и перспективах, чаще лгут. Когда критика только сиделка, на свет валом валят доморощенные (в худшем смысле этого слова), не кондиционные авторы. Их поделки не компрометируют ли поэзию в глазах молодых читателей? А может быть, критика должна быть умным, благожелательным, но и строгим учителем?

Иные полагают, что Пушкин, Тютчев и другие классики – не образцы поэтической мысли и что, говоря о поэтах, не следует вообще употреблять слово «образец». Однако эталоны существуют в любой области человеческой деятельности. Взять хотя бы эталон нравственности – десять библейских заповедей. А иначе «делать жизнь» с кого?

Вологда. 2006 г.

Наталья Шатрова ХАОС ВМЕСТО ПОЭЗИИ?

Ворона каркает, воробей чирикает, соловей разливается руладами. Бесплезно требовать или учить петь чужим голосом. Для поэта Михаила Сопина благодарнее было бы не сожалеть, что в его поздних стихах не хватает солнышка, а подумать и объяснить читателю – почему для него тюремное существование было окрашено большими надеждами, чем последние годы жизни, почему личная трагедия (лагерь) оказалась более сносной, чем общественная (крах Советского Союза).

Читать Михаила Сопина – действительно труд (тягостная ноша), к которому современный читатель, более привыкший к телевизору и легкому чтиву, мало приспособлен. Если разжевать и подать – он, может, и проглотит. А Михаил Сопин, как правильно замечает Галина Макарова – хаос, космос, в котором критиками благоустроенных тропинок не проложено. Возьмешь много популярного – это как парковая зона, в которой и скамеечки для отдыха расставлены, и осве-

шение включено. А Сопин – тайга, бурелом. Пробираться надо самому. Хотя если раз-другой-третий походить, то не исключено, что все это будет вполне проходимым и не таким уж пугающим, а потом найдешь своеобразную красоту.

Помните знаменитую статью о Шостаковиче: «Сумбур вместо музыки»?

...Но глубоко вникать не хочется, проще выдернуть из размышлений поэта цитату, например:

«Надо, чтобы человек чувствовал себя на ней, как младенец на груди у матери: защищен и накормлен; свободно, уютно и не страшно. Красотой, добротой должен быть привлечен». (Комментарий Макаровой: «Думаю, повсеместный (и повседневный) уют, свобода и отсутствие боязни на земле попросту невозможны. Младенец у груди – это только потребитель, а не гражданин, строитель и защитник»).

Странно: неужели Макарова не читала других стихов Сопина, например:

*Я сам творил тот суд посылно,
Чтоб смертный приговор отцу
Не подписать рукою сына.*

Или обращение к Родине:

*... Отчаяние? Нет, я устаю
От трескотни речей, от политралли,
От лжеповодырей, что обокрали,
На нищество пустив, страну мою...*

Цитировать можно бесконечно, а если вспомнить, что каждая фраза выстрадана и оправдана личной биографией поэта, то не такой уж потребительской кажется его мечта быть сытым и обогретым у груди Матери-Родины, с которой традиционно принято отождествлять Россию.

Тема Родины у Михаила Сопина – центральная, очень большая, никем не изученная, и того, кто всерьез займется этим, ждут замечательные открытия.

Должен ли литератор думать о том, как отзовется его слово? Однозначного ответа на это нет. Если бы Достоевский заботился о читательском комфорте, описывая убийство несчастной старушки, он вообще ничего не написал бы. Меньше будет у автора при таком подходе читателей? Все может быть... Но Сопину некогда было обустраивать дорожки и тропинки. Его груз был слишком велик, и он спешил передать его для размышлений тем, кто придет потом, чем мы сейчас и занимаемся.

Удивительно, но у Сопина можно найти ответы практически на

все главные вопросы бытия, в том числе еще не заданные. Ценность размыслений Макаровой в том, что она очень честно и откровенно выражает позиции, почему так тяжело было Михаилу Сопину в вологодской атмосфере. И он еще при жизни ответил Макаровой и ее коллегам по мировоззрению:

*Соловьищую песню любя,
Перешибли мне горло,
Чтоб хратеть не мешала
Моя предрассветная трель.*

– Но ему никто не перешибал. Он дожил до приличного возраста и был печатающимся автором, – скажет Макарова.

А поэт отвечает:
*Меж Маишуком и Черной речкой
И прав теперь не тот, и быт.
Не пулюю, не злобною речью,
Я был молчанием убит.*

Почему молчали? Может, просто было страшно ходить в его лес – и, разумеется, дискомфортно.

И еще раз хочется процитировать поэта-философа:

*...И гений,
Освещающая только миг,
Предвестит
Мг-лень! –
Неведомую прежде.*

(Обратите внимание, что слово мгла здесь заменено непривычным, а потому сразу привлекающим внимание, более выразительным словообразованием, а интонация подчеркнута разбивкой).

Что ж – свой миг Сопин осветил, как мог. А в том, что впереди разверзлась мглень, он не виноват.

Вологда. 2006.

Вчера собирался ему позвонить. Опоздал. Теперь звонить далеко, совестно и страшно. Ведь там, на синих до одури небесах, куда улетела душа моего незабвенного старшего друга, с их высоты наши помыслы выглядят маленькими и суетными. В утешение остались сочинительство, память да коллективная игра в литературу. Как сладкая и запретная групповуха. А потому порассуждаем вместе.

Давайте определим, что же надо для того, чтобы понимать поэта. Для понимания Пушкина нужна общая культура и усидчивость: много разумного и наставительного насочинял незабвенный классик за свои неполные тридцать восемь лет. Лермонтов становится доступным только при воспарении духа над Большим и многострадальным Кавказским хребтом. Блок – при запрокидывании головы к небесам над величавой Невой и вьюню революционных трупов под Эрмитажем...

Но за пониманием еще не всегда стоит любовь. А за любовью – понимание.

Сопина не понять ни при наличии университетского образования, ни при благоприобретенном налете романтизма или лиризма. Не понять его ни лингвисту с докторским дипломом, ни полусумасшедшему фанату доброскладывающихся музыкальных рифм. Тем более не понять его поэзию простодушным поклонником современной словесной шрапнели. Обсуждать сие – только время и бумагу тратить.

Для понимания Михаила Сопина нужен не только абсолютный поэтический, но и человеческий слух. С налетом сентиментализма. Также крайне необходима способность к камертональной аберрации – отклонению от общепризнанных и оттого доведенных до абсурда правил поведения биологических особей вроде любви жертвы к своему палачу. Если проще, то – здравый смысл свободной личности.

Как никогда не соберутся в оркестре балалаечник и виолончелист, так и Сопина не следует усаживать в какой-то фикусный хрестоматийный ряд: там ему будет тесно и душно, и он позовет Петровну открыть пошире окно в их старый вологодский дворик с видом на медленно, но неуклонно заходящее солнце. Хитро прищурившись, скажет: «Я уже свое отсидел за маму, папу и бабушку». И, отщипнув хилую стрелку лука на подоконнике, ударит слегка изогнутым и желтоватым от табака ногтем по клавишам своего старого «Ундервуда», словно отталкиваясь от мрачного прошлого и болезненного настоящего.

Но Сопин никого и никогда не отталкивал от себя. Он давно перерос такую человеческую слабость как обида. Бывало по жизни так, что кто-то, не выдержав сопинской глубины сознания и духа, отшатывался от него, как отшатывается младенец от таннстевичного и оттого страшного предмета вроде работающей дрели или отбойного молотка. А может и атомной бомбы.

Михаил Николаевич Сопин -- это та самая точка отсчета, откуда начинается и чем заканчивается наша и всякая другая жизнь. Сравнить его не с кем и не с чем. Да и нет в этом особой нужды. Отсутствуют на земле ангелы и аналоги, могущие подсказать ответ. Михаил Николаевич -- альфа и омега откровенного земного существования. Как откровенна капля дождя на жестяной крыше, укрывшей тебя от внезапно налетевшего урагана.

Я сейчас не делаю отчет о его поэзии. Его поэзия неуязвима для понимающей критики, как и он для верных друзей. Михаил Сопин, не будучи непогрешимым -- для суеты житейской, не достигаем, как тот на Соловках приговоренный за веру святой апостол. Почему?

Проживите хотя бы мысленно его жизнь и вы узнаете. Да и это ли сейчас главное? Он был прозорлив и мудр. К нему интуитивно тянулись люди разного уровня. Среди них были власть имущие и уркаганы, литераторы и бомжи, артисты и репортеры местного масштаба. Всех тянуло к его непохожести. Но все ли они осознавали его высокое предназначение? Магнит? А с чем это было связано? Я по жизни -- скептик. Но здесь верю жизнеутверждающему началу, которое исходило от человека, по большому счету разуверившегося в порядке, устроенном людьми для людей же. Порядке, схожем с теми правилами, которые разрабатываются для пенитенциарных учреждений, призванных исправлять человека, но не калечить.

– Ну да! – отвечал он со своей характерной интонацией. И потом с ехидной усмешкой добавлял: – Калечить -- увековечить. Михаил Николаевич -- как короткий проблеск, как наша несбывшаяся надежда на ту лучшую жизнь, которая могла быть у

нас, если бы мы наконец научились пользоваться мозгами, данными нам папой и мамой, и чаще были бы милосердными.

После этого только стук сердца.

– Миша, ты слышишь нас?

– Вас? Конечно, слышу, но стучите громче.

– А как?

– Как? Потихоньку.

– Потихоньку -- это как?

– Как сраным метлом по коромыслу.... Да никак я вас, ребята, не слышу...

– А что же?

– А просто пообщаться хочется....

И потом тишина. Смеркается. Камерно трещат кузнечики. По сви-

цовой стерне ржаного поля и по озябшей коже пробегает волна забыв-
тости и забитости. Как будто отшибло память.

Падает легкая и прозрачная пыль. Все в мире молчит. Только юр-
кие светлячки, шурша невидимыми крылышками, творят п^р степи
свою нескончаемую песнь. Ночной воздух, как горе, стоек и постоя-
нен. Где-то в балке притаилась рвотная полынь и ухнул дряхлый от
груза жеваных лет сыч. Хочется сделать себе харакири.

Но с неба доносится: «Ни, ни, ни...». Это Мишина душа, пересе-
лившаяся в жучка- светлячка.

Вологда.2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги

1. Предвестный свет: стихи / Михаил Сопин; [худож. Р. Климова]. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. – 54 с.
2. Смещение: стихи / Михаил Сопин; [худ. А. Савин]. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние 1991. – 77, [1] с.: ил.
3. Судьбы моей поле: стихи / Михаил Сопин. – М.: Современник, 1991. – 95 с.
4. Девяносто третий год / Михаил Сопин. – М.: «РБП», 1994. – 7 с.: ил., портр. – (Рекламная библиотечка поэзии).
5. Молитвы времени разлома / Михаил Сопин. – Вологда: [Евстолий], 2000. – 141, [1] с. – (Поэзии светлое ремесло...)
6. Молитвы времени разлома / Михаил Сопин; [сост.: Т. П. Сопина; предисл.: И. Брусенский, А. Смолин]. – Череповец: Метранпаж, 2002. – 246 с.: ил.
7. Свобода – тягостная ноша: стихи / Михаил Сопин; [ред. А. А. Цыганов; худож. Э. В. Фролов]. – Вологда: Вологод. писат. орг.: Полиграфист, 2002. – 27, [1] с. – (Вологда, XXI век).
8. Обугленные веком: стихи / Михаил Сопин; [худож. Э. В. Фролов]. – Вологда: ООО КИФ «СКОМиздат», 1995. – 238 с.: ил., портр.

Наследие.

Из личных архивов поэта,
подготовлено к публикации Т. П. Сопиной (в хронологии
творческой биографии).

Издательство «Свеча», Вологда. 2005-2007 гг.

1. Из небыли: дневники; стихи / М. Сопин. – 2007. – 36 с.
2. Музыка души – не пыль / М. Сопин. – 2007. – 36 с.
3. Сон освобождения: стихи / М. Сопин. – 2007. – 52 с.
4. «Я тебе не писал...»: лагерный дневник. 1968 г.: стихи / М. Сопин. – 2005. – 72 с.
5. Мишкин колодец: лагерный дневник 1969 г. / М. Сопин. – 2005. – 60 с.
6. Меж берегов XX столетия: стихи: лагерный дневник 1969 г. / М. Сопин; [предисл. Т. П. Сопиной]. – 2005. – 79 с.
7. Цвета времени: стихи / М. Сопин. – 2006. – 56 с.
8. Михаил. Татьяна: Обнимаю... твой: [1968-1969 / М. Н. Сопин, Т. Сопина]. – 2006. – 100 с.
9. Татьяна. Михаил: Жду... Твоя: письма: [1969-1970 / Т. Сопина, М. Н. Сопин]. – 2006. – 100 с.
10. Лицо святое светлое твое: стихи / М. Сопин. – 2005. – 48 с.
11. Радуйся, человек: [стихи] / М. Сопин; [предисл. Т. П. Сопиной] – 2005. – 36 с. – Вариант загл.: Горд.
12. Перед снегом, еще не упавшим: стихи / М. Сопин; [предисл. Т. П. Сопиной]. – 2005. – 64 с.

13. Песни и романсы / М. Сопин; [предисл. Т.П. Сопиной]. – 2005. – 32 с.
14. Переписка: Виктор Петрович Астафьев. Вадим Валерьянович Кожин. Михаил Николаевич Сопин. Римма Васильевна Комина. Виктор Лапшин. – 2005. – 36 с.
15. Сомкнутые звенья (осень 1985 г.): стихи / М. Сопин. – 2005. – 31 с.
16. Вертикаль: стихи / М. Сопин. – 2006. – 28 с.
17. Лестница в воздухе: стихи / М. Сопин. – 2005. – 28 с.
18. Без права на защиту: стихи / М. Сопин. – 2006. – 48 с.
19. Игра в пустой зал: стихи / М. Сопин. – 2006. – 36 с.
20. Обугленные веком. Пред свечами тремя: стихи / М. Сопин. – 2006. – 44 с.
21. Обугленные веком. Слезами омытая: стихи / М. Сопин. – 2006. – 76 с.
22. Речь о реке: воспоминания Михаила Сопина / М. Сопин; лит. запись, Г. Щекиной. – 2005. – 3-26 с.
23. Мальчишка-воин: стихи / М. Сопин. – 2005. – 59 с.
24. Агония триумфа: поэма / М. Сопин. – 2005. – 31 с.
25. Крест: стихи / М. Сопин. – 2006. – 36 с.
26. Листопадит-хороводит: стихи / М. Сопин. – 2006. – 64 с.
27. Сумрак: стихи / М. Сопин. – 2006. – 52 с.
28. В мире хрупкой тишины: стихи / М. Сопин. – 2006. – 36 с.
29. Союз креста и беспредела: стихи. Сопин М.Н. Михаил. Татьяна: Обнимаю... твой: [1968-1969 / М.Н. Сопин, Т.Сопина]. – 2005. – 52 с.
30. Косохмурь: стихи / М. Сопин. – 2006. – 64 с.
31. Смайллки века: стихи / М. Сопин. – 2006. – 44 с.
32. Пока не сомкнут круг: стихи, размышления / М. Сопин. – 2006. – 44 с.
33. Вызов судьбе / М. Сопин, Т. Сопина. – 2005. – 168 с.
34. Кобылица: стихи / М. Сопин. – 2006. – 40 с.
35. Миф: стихи / М. Сопин. – 2006. – 56 с.
36. От Бога волен: стихи / М. Сопин. – 2006. – 56 с.
37. Приснись мне, Россия: [стихи] / М. Сопин. – 2007. – 24 с.
38. Тополек: стихи / М. Сопин. – 2007. – 32 с.
39. Мысли. Афоризмы / М. Сопин; [предисл. Т.П. Сопиной]. – 2006. – 64 с.

Публикации в сборниках

1. «Мне шел одиннадцатый год...»; «Лунно. Полночь. Луга...»; «Над страной пустых колоколен...» и др.: стихи / М. Сопин // У северных широт: сб. молодых поэтов. - Москва: Современник. 1987. - С. 51- 65.
2. «И лунно, и звездно...». «Дожди безнадзорные...». Стремнина: «Прости. Уже не трудно мне...»; «Что ж, пусть чует сентябрьскими листьями...»; «Реставрирую быль деревенских вечеров...»: [подборка стихов] / М. Сопин //

- Слово: литер.-худож. сб. Вып. 1. - Москва: Современник, 1989. - С. 243 - 246.
3. 1941; «О чем я думаю...»; «Мне шел одиннадцатый год...»; Август; «Над страной пустых колоколен...»; «Для кого и зачем...»; «Возвращусь я к порогу...»; Бессмертник; «Говорят: «извините»...»; [стихи] / Михаил Сопин // Гордость и горечь: поэзия 70-80-х годов о войне. - М.: Советская Россия, 1990. - С.105-113.
 4. Почта полевая: [стихи] / М. Сопин // Соборная горка: лит.-худ. альманах. Вып.1. - Вологда, 1993. - С.65-66: портр.
 5. В шуме городском; Благовест; «Впервые мне легко...»; «Так много среди нас усталых...»; стихи / С. Сопин; предисл. ред. / / Поэтическая орбита-95: сб. русской поэзии: Санкт-Петербург, Вологда, Архангельск, Тверь. Москва. - [Б/м]: АОЗТ «Текст», [1995]. - С.72-73.
 6. Мост; Молитва; «Иду среди скопищ и сборищ»; «Ужель до смерти мне отпущен...»; Круг, Правда лжи; «И все ж я жить не разуверюсь...»; «Ирреальность? Память боли?..»; [стихи] / М. Сопин // Вологодский собор: лит.-худ. альманах писателей-вологжан. - Вологда: КИФ «Вестник», 1995 - С.279-284.
 7. «Свободная рутина. Засушливый потоп...»; «За все, что выстрадал когда-то»; Poleмика; «Я знаю кровь и смерть войны»; Мысль светлая, не замирай»; «Прощай. кровопролитный век»; То опалины, то развалины...»; «Такой простор!..»; «Никого я в друзья не зову...»; «Не вой, душа. Начнем с начала...»; «Помолчим. Больную память я не трогаю...»; «Индевеют ночью крыши...»; «Однажды в августе...»; [стихи] / М. Сопин; [предисл. В.М. Бакуменко] // Академия поэзии. - М.: Лит. фонд России, 2005. - С. 312-314.
 8. Из сборников разных лет: Мальчишка-воин; Я тебе не писал; Лицо святое светлое твое; Радуйся, человек; Перед снегом, еще не упавшим: [стихи] / М. Сопин // Пока живешь, душа. - люби!: Поэтическая биография. - Вологда: [Свеча], 2007. - С.171-283.

Публикации в журналах

1. «Жизнь короче...»; «Гляжу в себя, в белую даль...» и др.: [стихи] // Автограф: поэтич. журн. (Вологда). - 1988. - №4. - С.10.
 2. «Без конвоя летят журавли»: [подборка стихов] // Наш современник. - 1990. - №5. - С.54-55.
 3. «Одна эпоха. И судьба одна...»: [подборка стихов] // Наш современник. - 1992. - №2. - С.3-5.
- Содерж.: «Кем надо быть, чтобы любя страну...»; «Иду по закату по полю»; Руки; После боя; Корни и кроны; «Кипит

снегами полынья...»; «За мной стена. Передо мной стена...»; Общество; «Гляди, душа, - в снежинках млечных лица...».

4. Душа в огне // Север. – 1994. – №11. – С. 106-107.

Содерж.: И лунный свет; «Ансамблей психических шквалы...»; Русский враг; «Под вражеский мат...»; «Пылает не лицо...»; «Нет, это не я»; Пробуждение; Бузина; Познание.

5. Почему говорим мы на разной волне: [подборка стихов] // Новый мир. – 1995. - №4. – С.23-24.

6. Последний перекресток: [подборка стихов] // Москва. – 1995. - №10. – С.75-77. – Содерж.: «История вокруг...»; «В пилотке со звездой...»; «Мы одиноки, мы одни...»; Голоса; «Войной увеченный и битый...»; «Другие мы давным-давно...»; «Так куролесит...».

7. [Стихи] // Роман-газета XXI век. – М., 2000. - №3(15). – С.72: портр. – (Вологодский собор).

8. «Летит и не падает снег...»; «Капель роняют провода...»; «Перед снегом, еще не упавшим...»: [стихи] // У: междунар. информац. журн. лит. и изобр. искусства. – 2004. - №2. – С.10.

9. «Свобода – тягостная ноша»: [стихи] / послесл. писателей-вологжан // Наш современник. – 2004. – №8. – С.21-24.

Содерж.: «Мое время везде круто-солоню...»; Вдовы; Сизари; «Панихиды России гудят на базах...»; «То опалины, то развалины...»; «Вчера постыло. Нынче стыло...»; «Не вой, душа. Начнем сначала...»; «Бежал за жизненной красотой...»; «Индевеют ночью крыши...»; «Помолчим. Большую память я не трогаю...»; «Все поросло плакун-травой...»; Вечерняя свеча; «Я думаю, далекий брат...».

10. Огневая страна: [стихи] / предисл. редакции // Двина: лит.-худ. и общ.-полит. журн. (Архангельск). – 2005. – №2 (18). – С. 46-48: портр. – (Пасынки века).

Содерж.: Дождь 41 года; «Лунно. Полночью Луга...»; «Обиды заросли в душе...»; «Пришел солдат из плена...»; «Окопный брат...»; Огневая страна; «Разбег и равнина!»; «В мире президентов и бомжей...»; Мы; «Предпасхальное утро»; «Прошел дорогой вкривь и вкось...»; Помни; «Эпоха следствий и причин...»; «Живя в народе...»; «Гляжу вокруг...»; «Задумайтесь, не предаваясь горю...»; «Все осталось, как было давно...»; В семье единой; Рожденным в тридцатых; «В воронках у стенки...»; Двадцать девятое марта; «Стрельба и феминизм...»; Чаша; Мужик.

11. Свобода – тягостная ноша: стихи: [подборка] / предисл. В. Бакуменко // Юность. – 2005. – №5. – С.30-33. 1 с. обл.: портр.

12. Нам не хвагает солнца изнутри: [стихи] / М. Сопин: предисл. А.Смолина // Подъем (Воронеж). – 2005. - №6. - С.83-90. Содерж.: «Такой простор!...»; «Страшнсь безликой

тишины...»; «Времена не выбирают...»; «Мне страна
подарила...»; «Продудел полководец в дуду...»; «Пришел солдат
из плена...»; «Так мало в нас тепла...»; «Гремя огнем и блеском
стали...»; «Не крестonosец страшен нам...»; «Бой глуше.
Дальше...»; «Под подбородком у меня свеча...»; «Суждено ли нам
выйти из круга?...»; Ходит Ваня: «С тех пор, как был распят
Христос...»; В семье единой...; «В семьях были вы старшими...»;
«Бесконечно в юдоли земной...»; Мельница на костылях;
«Предпасхальное утро...»; «К исходу день...»

13. Столица; Руки; «Не спеша, под хмельком...»; «Свободная
рутина. Засушливый потоп...»; «Городская больная ветла...»;
«Беспорочница наша классовая...»; «Престижные квартиры,
развалюхи...»; «И ни происков нет, ни коварства...»; «Говорила
мне обитель...»; «Такой простор!...»; [стихи] / М.Сопин //
Веси: провинц. лит.-худож. ист.-краевед.
журн.(Екатеринбург). - 2006. - №5. - С. 65.
14. «История не учит ничему...», «Нет, жизнь моя не горький
дым...», Помни и др. стихи/ М. Сопин // Автограф (Вологда).
- 2006. - №42. - С. 16.
15. «На холме три тополя...»: песня / М. Сопин; [муз. В.
Бакуменко] // Автограф (Вологда).- 2006. - №42. - С. 32.
16. Перед снегом, еще не упавшим: стихи / М. Сопин; публ. Т.
Сопиной; фот. А Сальникова // Вологодский лад. - 2006. -
№2. - С.172-180.

Содерж.: «Золотая российская россыпь...»; «Вылета́й, моя
песня...»; «Поля, поля...»; «Прокричи мне, филин...»; Стая; «Не
нужно путевок...»; «Не отведи от горьких мук...»; «Тих мой
голос...»; «Все обреченнее и глуше...»; «Скажи мне, черная
река...»; «Избы-избы...»; Детство; «Свистнула в ночь
электричка...»; «Люблю ночных певучих див!»; Тополевые хоры;
Листья запоздалые; Север; Метель; В степи; Колыбельная; Нить;
«Счастье – словно заняли...»; «Порой себя не мучаю...»; Первая
звезда; «Ты расти, трава...»; «Земля, до жгучести родная...»;
«Прокричит ли сова...»; «У края обними: романс: Я – осень;
«Успокойся!...»; «Вечер крикнет...»; «Я живу – как во сне...»;
«Капель роняют провода...».

17. «Я беззвучно кричу...»: стихи / М. Сопин; публ. Т.Сопиной //
Вологодский лад. - 2007. - №1. - С.158-160.
18. Молитвы времени разлома / М. Сопин; предисл. А. Смолнна
// Подъем (Воронеж). - 2007. - №1. - С.92-99.

Содерж.: « Умудриться бы мне...»; В семье единой; Зодчие;
«Где-то мыслят...»; «Если пусто впереди...»; «Нет, жизнь моя не
горький дым...»; «Не много ли для нас трагедий века?...»; «Не
вчера не стало пыла...»; «Обычное слово простое...»; «Десять лет
просвистели...»; «Прошел дорогой вкривь и вкось...»; Две
страны; «Митингуют бедные распято...»; «Сын греховного
рода...»; «Свободой высвечены лица...»; «Не без труда...».

19. И память из прошлого не отпускает меня: [стихи] / М. Сопин

// Подъем (Воронеж). – 2007. - № 2. – С.20-26.

Содерж.: «Я не знаю судьбы бесприданнее...»; «Родные плачущие вербы...»; «Живых из живых...»; Зброшенная узкоколейка; Лось; «Разбег и равнина!...»; Дождь сорок первого года; «Над страной пустых колоколен...»; «Вернуться б, вернуться...»; Луна луговая; «Облака. Облака...».

Электронные ресурсы

Михаил Сопин. Стихи. К биографии: В семье единой; 1941; «Над страной пустых колоколен...»; «Все прозрачнее верб купола...»; «Услышь, своих. Россия. неотпетых...»; На дальний свет; Плывет метель [Электронный ресурс] / М. Сопин; газета вольных литераторов «Вечерний гондольер». – Текстовые дан. - Режим доступа: <http://gondola.zamok.net/125/>. свободный - Загл.с титул. экрана. – Рус.

Публикации в Международном интернет-журнале «Русский Глобус»

Поэзия: Михаил Сопин. «Речи без смысла...»; «Престижные квартиры, развалюхи...»; Послесловие к одной дискуссии; «Опять лютует боль в груди...»; Целовали меня...; «Живу среди скопищ и сборищ...»; «История не учит ничему...»; «Зачем мне пропаганда?...»; Молитва; Камень и душа; В себе – молитва; «Не виноват, что нет тебя...»; «Глухой безвыходностью заперт...»; «Если наша гордость – пыль парада...»; «Пришел солдат из плена...»; «Страшнсь безликой тишины...»; С державным знаменем свободы [Электронный ресурс] / Михаил Сопин; междунар. интернет-журнал «Русский Глобус». Июнь 2006. – Текстовые и граф. дан.(1 файл). - Режим доступа: <http://www.russian-globe.com/N52/Sopin.About.htm>, свободный. - Загл.с титул. экрана. – Рус.

2. Россия глазами поэтов. Вчера и сегодня. (Афоризмы) [Электронный ресурс] / М. Сопин; междунар. интернет-журнал «Русский Глобус». Июнь 2006, №6. – Текстовые и граф. дан.(1 файл). - Режим доступа: <http://www.russian-globe.com/N57/Sopin.PoetORossii.htm>, свободный. - Загл.с титул. экрана. – Рус.

Поэзия: Михаил Сопин: Плюшевый медведик; «Сидел у окошка...»; «Мне шел одиннадцатый год...»; «Луно. Полночь. Луга...»; Пехота; «Нас гваздали будни и беды...»; «Ищу друзей на той войне...»; «В воронках, у стенки...»; «Брат погибший, прости...»; Солдатам России [Электронный ресурс] / М. Сопин; междунар. интернет-журнал «Русский Глобус». Июнь 2006. №6. –

Текстовые и граф. дан. - Режим доступа: <http://www.russian-globe.com/N63/Poetry.Sopin5.htm>, свободный. - Загл.с титул. экрана. - Рус.

Публикации в газетах

1. Слезами омытая Русь: стихи / предисл. автора // Русский Север. - 1991. - 14 марта. - С.3.
Содерж.: Певцы: В семье единой; О культуре: «Избы старые...»; Кроны и корни: «К разрубленным вьями узам...»; «Все снятся мне...»; «Кипит снегами полынья...»; «Гляди, душа...»; «Былого нет, любимая...»; Руки.
2. «Я объявлен в побеге бессрочном...» // Русский Север. - 1992. - 28 июля.
Содерж.: «Когда я говорю, что нет меня...»; Третий ангел; Страна; Молю живых: В бегах.
3. Ничто, нигде, никогда: личный взгляд // Вологодские новости. - 1992. - 7 ноября.
Заметки о задачах сегодняшней прессы
4. Наотмашь по лицу // Красный Север. - 1993. - 8 июня. -
Содерж.: «Кто это в дождик...»; В даль светлую; «Гуси дикие»; «Светлое мое небо...»; «Не к мести...»; «Чего не повидал я на веку...»
5. Друг, товариш и брат; «Пророчашее воронье...»; Когда устану; Дума; «С прошлым мною разорваны нити...»; «Слева - западный свет...»; «Пожиратель. Жертва. Жрица...»: новые стихи // Русский Север. - 1994. - 5 апреля.
6. Все в нас самих. Россия - это мы: новые стихи // Русский Север. - 1994. - 22 ноября.
Содерж.: «Россия, что такое ты?»; Благовест; Страх (В.Шаламову); От севера до юга; Пробуждение; Ведомые бредом; «Не вой, мое сердце.» (Саше Сидельникову); Россия - это мы.
7. Возможно ль вольным быть, живя в неволе?: стихи // Русский Север. - 1994. - 13 декабря.
Содерж.: «Звени, душа...»; Непогода; «Бред жизни к краю...»; «Так много среди нас...»; Судьбы; Своему сердцу; Советы.
8. Так мало вас, кого обнять хочу: стихи // Русский Север. - 1995. - 5 января.
Содерж.: Моему детству; «Наши лица...»; «Несуразностью жизни оболган...»; Толпа; Обугленные веком; Воронье; «Присматриваясь к власти...»; «Все мы, все мы - невольники...»; «Нет больше дружеского круга...»
9. Зачем ты, память, крик души хоронишь?: стихи // Русский Север. - 1995. - 21 февраля.
Содерж.: 1941; Пехота; Солдатам.
10. «Не забудь, мое сердце...»: стихи // Русский Север. - 1995. - 11 апреля.

Содерж.: «Вот и мы - старики...»; «Не забудь, мое сердце...»; «Ходил за Урал...»; «Вспоминаю родные края...»; Мать-Родина; «В жизни многого нет...».

11. На параллелях бытия: стихи // Русский Север. – 1995. – 25 апреля.
12. Звуки; «Дожди. Периметров огни...»; «Я не устал и не притих...»; Двадцатое столетие: стихи // Красный Север. – 1995. – 14 июня.
13. «Предпасхальное утро...»: стихи // Русский Север. Среда. – 1998. – 30 сентября. – С.3.
14. Сопин М. Убитых братьев зов: лит. запись авторской речи (отрывок из кн. «Речь о реке») / материал к публ. подгот. Г.Щекина // Мезон. – 2000. – № 9. – С.8-9.
15. Голос родимый: стихи // Красный Север. Зеркало. – 2001. – 8 августа. – С.1,8.
16. По жизни тоненькому льду...: стихи // Красный Север. Зеркало. – 2002. – 7 августа. – С.7.
17. Что оставим о себе?: [стихи] // Красный Север. Зеркало. – 2003. – 6 августа. – С.1,7.

Содерж.: «Все прозрачнее верб купола...»; «Метелью заметает тротуары...»; «Не тронь, пускай лежит...»; «Вперед, моей жизни лошадка...»; Семья («Семья, родных теней семья...»); «Дорогие, дорогие...»; Два одиночества («Подходит выстудь декабрей...»); «Мое сердце не знает...»; «Как бы сделать, чтоб губы...»

18. Влача свои печали: [стихи] / предисл. А. Колосовой // Русский Север. — 2003. - 13 августа (№39). — С.1,17: портр.
Содерж.: «Золотые купола...»; «Бой глуше. Дальше. Стороной...»; «Витийствуя на шабашах-балах...»; Двадцатое столетие («Прощай, бывшее...»); «Российский путь...»; Дети крестonosителей («Взрослая длится игра...»); В городе тихо («В городе тихо...»); «Все мы - скитальцы...»
19. «Так мало в нас тепла...»; «Гремя огнем и блеском стали...»; В семье единой: «Проходит все...»; Стыд и память; «Пришел солдат из плена...»; «К исходу день...» // Русский Север. – 2004. – 19 мая. – С.6.
20. Михаил Сопин: «Плачет сердце мое высоко в небесах»: к сороковому дню: «С вами хорошо – мозги не залеживаются» / // Русский Север. – 2004. – 16 июня. – С.6.

Из переписки в Интернете.

21. Тропинки наши; В зияющую тишину; Тайна или плач? Себе; Мы ушли; Мы неслучайны: избранное // Русский Север. – 2004. – 16 июня. – С.7.
22. Солдатские песни / публ. и предисл. Т. Сопиной // Красный Север. – 2004. – 17 ноября.
Содерж.: Мы под Харьковом; Тишина: Верить должны; Их было шесть...; Прорыв; На ветер, на осень; Запах победы; Писем нет.

23. Цвета времени: Алое; Синее; Зеленое; Голубое; Желтое; Черное; Серое; Белое // Красный Север. – 2005. – 21 июля. – С.27.
24. Радуйся, человек: 12 августа исполняется 75 лет со дня рождения поэта Михаила Сопина / публ. и вступит. заметка Татьяны Сопиной // Красный Север. – 2006. – 10 августа. – С.27.

Стихи из «Детского альбома» и из цикла «Город».

О М.Н. Сопине

1. Белавина В. «Нет, жизнь моя – не горький дым...»/ В. Белавина (В.Л. Бузыкаева). – Вологда: [Полиграфист] 2001. – 224 с.
2. Я стремлюсь докричаться в Россию: [публицистический сборник: статьи, рецензии, радиозаписи] / М. Сопин. – 2005. – 48 с.
3. Сопин М. [«Пока живешь, душа, люби!...»] / М. Сопин, Т. Сопина; фот.: Э. Гаас, Я. Быртус, М. Грегор, М. Карачев, А. Коков, А. Колосов, В. Рыбичек, Л. Холмогоров, Ю. Чернов и из архивов]: благотворит. издание в пользу жертв Чернобыльской катастрофы. – [Б.м.]: Humanity for Chernobyl, 2006. – 256 с.
4. Сопина Т. «Мальчик с Огненной дуги»: ист. очерк / Т. Сопина, П. Сопин. – Вологда: Свеча, 2006. – 20 с.; Подъем (Воронеж). – 2007. – №1.
5. Глейзер Имануил. В поисках свободы: [обзор откликов на книгу «Пока живешь, душа, люби...»] / И. Глейзер. – Вологда: Свеча, 2007. – 12 с.
6. Сопина Т. Так мы жили: повесть/ Т. Сопина. – Вологда: Свеча, 2007. – 120 с.
7. Сопин М. Пока живешь, душа, - люби!: поэтическая биография / М. Сопин, [Т. Сопина; предисл. М. Браславского; фот.: Э. Гаас, М. Карачев, А. Коков, А. Колосов, Л. Холмогоров, Ю. Чернов, Л. Спильный и из архивов]. – Вологда: [Свеча], 2007. – 284 с.
8. Белков В. Боль и свет памяти // Красный Север. – 1985. – 20 октября. *О книге «Предвестный свет»*
9. Михаил Сопин, поэт: «Живу и сражаюсь...»: [интервью газете] // Вологодский комсомолец. – 1985. – 27 октября.
10. Андреев Ю. Глубинный свет печали // Вологодский комсомолец. – 1985. – 8 декабря. *О книге «Предвестный свет»*
11. Евгеньев Е. Свет памяти // Красный Север. – 1985. – 13 июля. *О книге «Предвестный свет»*
12. Баранова-Гонченко Л. «Это я пробираюсь через поле судьбы...»: [о книге «Предвестный свет»] // Москва. – 1986. – №6. – С.193.
13. Абашев В. Без кавычек...: рецензия [на книгу «Предвестный

- свет»] // Урал. – 1986. - №2. – С. 173-174.
14. Маслова В. «Но я еще несу в себе свой храм» // Время (Вологда). – 1990. – 7 июня.
15. Щекина Г. Боль стиха: [о книге «Смещение»] // Русский Север. – 1991. – 11 июля.
16. Щекина Г. Певчий северных стай: [о книге «Смещение»] // Красный Север. – 1991. – 7 ноября.
17. Ладухин С. [О книге «Смещение»] // Сел. правда. – 1991. – 3 сентября.
18. Богословский Ю. Душа в ночи // Сел. правда. – 1991. – 26 июня. *О книге М.Сопина «Смещение»*
19. Ладухин С. Сквозь суровый стих // Вологодские новости. – 1991. – 27 августа. *О книге М.Сопина «Смещение»*
20. Шеваров Д. Отец Глеба и Петра // Комсомольская правда. – 1994. – 5 февраля.
21. Донец С. «Благовест» сквозь набат: [размышления о творчестве Михаила Сопина и его новом сборнике «Обугленные веком»] // Русский Север. – 1995. – 27 июня. – С.14.
22. Волгина А. Возвращение к самому себе // Красный Север. – 1995. – 14 октября. *О книге стихов М.Сопина «Обугленные веком».*
23. Донец С. Яремная вена: [о поэзии Михаила Сопина] // Красный Север. Зеркало. – 1996. – 11 апреля.
24. Волгина А. Обугленный веком // Красный Север. – 1996. – 27 января.
О вечере-встрече с вологод. поэтам М.Сопиным в центр. городской б-ке г. Вологды.
25. Кожин В. Можно ли предвидеть будущее? // Дневник писателя: Начало. Январь 1996. – С.6-34. *О вологод. поэте М.Сопине – на с.26-27.*
26. Обугленный веком: творческий путь Михаила Сопина / Г. Щекина, В. Архипов, С. Фаустов, В. Белавина // Север. – 1997. – №8. – С.132-138. – Содерж.: Щекина Г. Крик и молитва; Архипов В. Сны и реальность поэта; Фаустов С. Речь на презентации новой книги Михаила Сопина; Белавина В. Признание автору книги «Обугленные веком».
27. Бузыкаева В. Не растерять желанное согласие... // Красный Север. – 1997. – 12 августа. – С.3.
28. Белавина В. Если твое имя – человек... // Красный Север. – 1999. – 11 августа. – С.14.
29. Смолин А. Вечность не знает разлук // Русский Север. Пятница. – 1999. – 10 октября. – С.22.
30. Белавина В. Михаил Сопин: Гремя огнем и блеском стали, победоносный наш приют пропили мы и просвистали / фот. Л. Новолодской // Красный Север. – 2000. – 9 августа. – С.14.
31. Колосов А. Совесть работает, даже когда мы о ней забываем... / беседовал Алексей Колосов // Хронометр-Вологда. - 2001. – 6 мая. – С.6.

32. Колосов А. Я желаю всего-то...: юбилей // Русский Север. – 2001. – 4-10 августа. – С. 11.
33. Балакшин Р. С юбилеем!: [М.Н. Сопину – 70 лет] // Вологодская неделя. – 2001. – 9-16 августа.
34. Колосов А. Общей Родины нет, есть своя у рабов и господ...: личный взгляд // Русский Север. – 2002. – 17-23 июля. – С.11.
О книге «Молитвы времени разлома»
35. Наугольный А. Восстание человека: XX век: Михаил Сопин – великий поэт русского подполья (несмотря на то что – член Союза!) // Русский Север. – 2002. – 7-13 августа. – С.14.
36. Щекина Г. Молитвы времени разлома // Мезон (Вологда). – 2002. - №7. – С.8. *Рецензия на кн.: Сопин М. Молитвы времени разлома. – Череповец: Метрантаж, 2002.*
37. Цезарева Л. Анафема и гимн // Красный Север. Зеркало. – 2002. – 7 августа. – С.7. – (Глагол) *О книге «Молитвы времени разлома»*
38. Фаустов С. Михаил Сопин – сетевая звезда // Красный Север. Зеркало. – 2003. – 16 апреля. – С.6 *О подборке стихов вологодского поэта, размещенных в Сети Интернет.*
39. Юшкова Е. Поэт в паутине: Михаил Сопин изменил лицо русскоязычного поэтического Интернета, и за это его объявили мифом // Русский Север. – 2003. – 23-29 апреля. – С11.
40. Колосов А. «Михаил Сопин: человек, который молится за нас...» // Русский Север. – 2003. – 13 августа (№39). – С.1.
41. Чернова М. Недобитое добро: с государством, отнявшим 18 лет жизни и сына, знаменитый поэт сводит счеты силой Вечности // Премьер. – 2003. – 8-14 октября. – С.17. – (Старые русские).
42. Колосов А. Человеку в народе сегодня тоскливо: судьбы // Аргументы и факты. – 2003. - 11 ноября.
43. Колосов А. «Не могу я с толпой ни смеяться, ни плакать...»: памяти Михаила Сопина // Русский Север. - 2004. -19 мая.
44. Подольный И. Он говорил по Божьей воле глухой, бесчувственной стране // Русский Север. - 2004. -19 мая. – С.6.
45. [Некролог] / писатели-вологоджане // Русский Север. - 2004. -19 мая. – С.6.
46. Беркович М. Чему учит поэзия?: О творчестве Михаила Сопина // Вологодские новости. – 2004. – 19-25 мая. – С.14.
47. Чернова М. Замри, душа!...: Умер вологодский поэт Михаил Сопин // Премьер. – 2004. – 25-31 мая. – С.3: портр.
48. Колосов А. «Плачет сердце мое высоко в небесах...» // Русский Север. - 2004. –16 июня. Сопина Т. Счастье и смерть // Русский Север. - 2004. –16 июня.
49. Сопина Т. Лунный глаз // Красный Север. - 2004. – 16 июня.
50. Босоногова Е. Докричатся в Россию: книжная беседка // Красный Север. – 2005. – 1 сентября.
51. Подольный И. Не проходите мимо таланта!: Памяти Михаила Сопина // Вологодский лад. – 2006. – №2. – С.170-172. – (Поэты не уходят).
52. Либерман Я. Читая Сопина // Веси: провинц. лит.-худ., ист.-

краеведч. журн. (Екатеринбург). – 2006. – №5.

53. Босоногова Е. О прекрасном и мудром поэте // Красный Север. – 2006. – 10 августа. – С.27. – (Глагол).

54. Сопина Т. От имени павших: [военная лирика Михаила Сопина] // Вологодский лад. – 2007. – №1. – С. 156-158.

Публикации в Международном интернет-журнале «Русский Глобус»

1. Татьяна Сопина. Судьба поэта. «Предвестный свет». «К ликам храмов бревенчатых». [Электронный ресурс] / Т.Сопина, М. Сопин; междунар. интернет-журнал «Русский Глобус». Июнь 2006, №6. – Текстовые и граф. дан.(1 файл). - Режим доступа: <http://www.russian-globe.com/N52/Sopin.About.htm>, свободный. - Загл.с титул. экрана. – Рус.

2. Татьяна Сопина. Военная лирика Михаила Сопина [Электронный ресурс] / Т.Сопина; междунар. интернет-журнал «Русский Глобус». Июнь 2006. №6. – Текстовые и граф. дан.(1 файл). - Режим доступа: <http://www.russian-globe.com/N63/PoetrySopin6.htm>, свободный. - Загл.с титул. экрана. – Рус.